

Альбина Шагапова

Далер- сладкая отрава

Альбина Рафаиловна Шагапова

Далер – сладкая отрав

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43425320

SelfPub; 2022

Аннотация

Вероника – капризная и высокомерная дочь влиятельного чиновника, отправляясь в заграничную поездку с друзьями, даже и подумать не могла, что знакомство с голубоглазым шатеном превратит её жизнь в кошмар на долгие годы. Милый домик в живописной горной долине станет золотой клеткой, а сам парень окажется кровожадным монстром. И даже возвращение домой к любящим родителям и друзьям не будет сулить ничего хорошего.

Альбина Шагапова

Далер – сладкая отравка

Пролог

Он пил её жадно, самозабвенно, чувствуя, как силы возвращаются к нему, как рассеивается туман перед глазами, как мир, пока ограниченный лишь грязными стенами вонючей камеры, да бледнеющим, с каждым его глотком лицом девчонки, становится ярче.

Он твёрдо знал, что возьмёт столько, сколько потребуется и не станет её жалеть. Только не сейчас и только не её! Умрёт? Выживет? Теперь для него это не имеет никакого значения. Девчонка сделала свой выбор. Что такого ей посулили, чего бы не смог дать он? Почему она решилась на это вероломное предательство? А ведь он её любил, так, как не смог бы любить ни один человеческий мужчина. Он бы берёг её от разочарований и тревог, от проблем и трудностей, и даже, как бы это смешно не звучало, от себя самого, от своей неистовой неуёмной жажды. Да, он был готов подняться с ней в горы и провести обряд. Она могла бы жить долго, очень долго, с ним, купаясь в его любви и нежности, наслаждаясь каждым беззаботным днём. Но, как оказалось, ей было не нужно всего этого. Так чего же хотела маленькая глупая девочка с глазами цвета весенних небес? Вот уже её безвольное тело падает на заплеванный тюремный пол, а

из его груди рвётся песня разрушения. Но он подождёт, пока девочку заберут, унесут в безопасное место. Ведь сердце ещё бьётся, а грудь, пусть и тяжело, но поднимается, а значит, у предательницы есть шанс. И только позже, когда шаги охранников стихнут, он призовет свою стихию. Взорвутся баллоны бытового газа, обрушится здание городской тюрьмы. Пространство наполнится криками ужаса, боли и отчаяния. Пламя и удушливый дым, разлетающиеся, ломающиеся бетонные блоки, искорёженная арматура, обугленные человеческие останки на обгазированном кровью снегу. И над всем этим он, голый, с обожженной кожей, кровоподтёками и кровоточащими ранами, ослабленный, злой и свободный будет подниматься в тяжёлое сырое февральское небо, покидая навсегда эту проклятую страну, этот город и её, такую хрупкую, такую беззащитную и такую лживую.

Глава 1

Звонок будильника оповестил о начале нового дня. Я лениво потянулась, бросила взгляд на тёмный, едва прикрытый прозрачной тюлевой занавеской квадрат окна и встала. Стопы тут же утонули в мягком густом ворсе ковра. Люблю мягкое. Этот коврик, в виде цветущего луга, я выбирала сама. Да и всё, что окружало меня в этой комнате, было вполне по моему личному заказу. Бледно-зелёные обои, шкаф с зеркальными дверцами, светлая мебель, кажущаяся лёгкой и невесомой.

Спать не хотелось, ведь сегодня не просто будний день,

один из многих, а последний в этом учебном году. Завтра уже начнутся каникулы, которые обещают быть насыщенными. Да уж, предвкушение праздника слаще, чем сам праздник. Томясь в ожидании, ты мечтаешь, представляешь, планируешь. Поездка с классом за границу, что может быть лучше. Дорога, новые места и знакомства, а главное— он, Денис Журавлёв. Путешествие сблизит нас, и он, наконец, поймёт, насколько со мной интересно, весело и приятно проводить время. Но стоп! Всё это лирика, а сейчас о важном. Сегодня мне, как старосте класса и правой руке Ирины Николаевны, необходимо провести беседу на тему «Вампиры наши враги».

Я металась по комнате, одновременно натягивая брюки, и открывая ящики письменного стола в поисках заветной папки, в которой хранились конспекты всех бесед. Вот она! Так, теперь, где моя расчёска? А заколка?

Ну вот, волосы в строгий хвост, блузка идеально выглажена, лёгкий макияж. Никакой яркой помады, лишь прозрачный блеск. Всё, пора спускаться к завтраку, родители уже ждут.

Сбежав по ступенькам и распахнув дверь в гостиную, я плюхнулась на диван рядом с отцом. На столе уже дымились тарелки с кашей, а от чашек с кофе тянуло бодрящим ароматом, поднимающим настроение.

— Доброе утро, мамуля, доброе утро, папуля.

Родители смотрели на меня радостно, светло, как и долж-

но смотреть на единственное, любимое чадо.

– Ты сегодня неотразима, – улыбнулась мать.

– Есть в кого, – отец потрепал по плечу, слегка приобняв.

Разумеется, произнося это, он имел ввиду себя любимого.

Я, как это и положено, молодому, тратящему большое количество энергии, организму, набросилась на еду.

На меня взирали два отца, тот, что сидел рядом, с удовлетворённой улыбкой, а тот, другой, висящий в золочёной раме, облачённый в деловой костюм, строго и укоризненно. Мне никогда не нравился этот портрет, так, как я всегда хотела видеть отца весёлым и добродушным. А на портрете, папа походил на каменное изваяние. Да и рама казалась пошлой. Но это тяжеловесное убожество, занимающее половину стены, было подарком от маменьки к папиному юбилею, так что о том, как я сниму его и выброшу на чердак, оставалось только мечтать.

– Вчера я была в магазине, – начала свой рассказ мама, намазывая кусок булки апельсиновым джемом и предлагая его отцу. – Видела там свою портниху, она что-то выбирала в колбасном ряду. Я, разумеется, не стала с ней здороваться, но хорошо услышала, как она жалуется на новое повышение цен. Вот я и хочу спросить тебя, Валентин, действительно ли, в стране так всё печально? Неужели люди даже колбасы себе позволить не могут? Ведь, знаете, она, в итоге, так ничего и не купила.

С каждой фразой, произнесённой матерью, брови отца всё

теснее и теснее приближались к переносице, что свидетельствовало о его крайнем неудовольствии. Мама, наконец поняв, что сказала нечто неприемлемое, опустила взгляд, изучая содержимое своей тарелки.

– Так тебе и надо, – злорадно подумала я, метнув в сторону матери неприязненный взгляд. Меня всегда раздражало, когда она пыталась говорить о чём-то более высоком, чем кухня и уборка. Не пойму, с какой целью люди затрагивают те темы, в которых ничего не смыслят?

– Как бы там ни было, нашу семью беспокоить это не должно, – медленно закипая, ответил отец, осторожно кладя бутерброд на край тарелки.

– Но ведь моя портниха – женщина не бедная, и даже она не может себе позволить купить то, чего ей хочется. А что говорить о более необеспеченных слоях населения?

Я, мысленно, схватила за голову, удивляясь тупости своей мамы! Надо же было испортить такое замечательное утро! Нашла о ком радеть, о нищих придурках, не способных заработать себе на хлеб! Знаю я таких, в одном классе со мной учатся, Ожегов, например. Только не будем сейчас о нём, иначе меня стошнит.

– Катерина, – отрезал отец, заставив маму замолчать и уставиться на него круглыми, словно блюдца, испуганными глазами. – С какой целью ты ходила в магазин? Разве Дима не привёз продуктов на всю неделю?

– Привёз, Валечка, – мама, с торопливым подобострасти-

ям, принялась размешивать сахар в отцовской чашке. – Просто я хотела найти тебе подарок к новому году и, случайно, забрела в продуктовый супермаркет.

– Зачем мне подарки от тебя, за мои же деньги?! – рявкнул отец так, что зазвенела посуда на столе, а я, от неожиданности, прикусила язык.

– Но ведь новый год, – прошептала мама, прекратив мучить чашку и садясь на своё место. – Мы же всегда дарим подарки друг другу.

– Тупая курица! – папен кулак ударился о поверхность стола, из чашек выплеснулся кофе, заливая скатерть. – Мы это делали ради ребёнка, устраивали праздник своей дочери. Но Вероника, на этот раз, праздновать с нами не будет. Так на хрена мне, скажи на милость, все эти розовые сопли, подарочки, поцелуйчики в щёчку, пожелания на открыточках!

– Прости, Валечка, – мама начала шмыгать носом, что ещё больше взбесила отца, да и меня тоже.

– Лучше бы занималась дочерью и домом, а не шлялась где попало. А твою портниху я сегодня же вызову на допрос. Отребье в конец распоясалось, уже в магазинах ведёт антирежимные речи. Думаю, тебе стоит поискать другую портниху.

Отец протянул руку, куда, тут же, легла газета. Надо отдать маме должное, желания папеньки она, точно угадывала, как по взгляду, так и по жесту.

– Ну паа, – протянула я, дёргая его за рукав. – Я же вече-

ром уезжаю, ну давайте нормально посидим, а?

Отец многозначительно кашлянул, а мать обречённо вздохнула.

– Ну, паа, хоть слово мне напутственное скажи.

– Ты уже взрослая девочка, – отец отложил в сторону газету и потрепал меня по щеке. – Мы с мамой доверяем тебе и по тому, отпускаем в эту поездку.

Мама кивнула в знак одобрения. Когда отец говорил, она не вмешивалась и не спорила, лишь молчаливо соглашалась с мужем. Её тонкие пальцы теребили салфетку, выдавая волнение, и меня это насторожило. Вдруг начнёт отговаривать от поездки, просить остаться дома. Ведь в дороге со мной может приключиться всякое. Маме везде мерещилась опасность. Список её страхов был так велик, что легче перечислить то, чего она не боялась. По улицам нашего захолустья, если верить мамочке, толпами бродили маньяки и грабители, в ресторанах – алчно потирали руки отравители, нанятые врагами и соперниками отца, Школа, в глазах мамы, была рассадником инфекции, и я никогда не выходила из дома, не проглотив таблеток, укрепляющих иммунитет. Отношения с подругами мать порвала сразу же, как вышла замуж, ведь те, могли увести ненаглядного Валечку. Она считала, что каждый житель городка завидует нашей семье и готов причинить зло. Ведь мой отец не абы кто, а третий секретарь приёмной СГБ. Я смеялась над страхами матери. Учителя меня уважали, в классе боготворили. Моё слово было решающим, мне-

ние непререкаемым. Сомневаетесь? Ну так пеняйте на себя!

Тем временем папа продолжал:

– Ты должна помнить, что отправляешься в страну соблюдающую нейтралитет, и вполне возможно, что на улицах Эвилии, тебе встретится вампир...

– Валентин! – вскрикнула мама, выронив салфетку. – Прекрати пугать ребёнка!

– Она уже не ребёнок, – папа шумно отпил из своей чашки. – Завтра ей исполняется восемнадцать.

– О да! – мама грустно улыбнулась, прижав руки к груди. – А ещё совсем недавно наша Верочка была такой крошкой. У тебя часто болел животик, ты плакала, плохо спала по ночам. Помню, как к нам в гости приехала моя подруга. Бедняга, она не смогла сомкнуть глаз, слыша твои крики. А ещё у тебя был жёлтый медвежонок, ты его везде таскала с собой. Засыпала только с ним. И однажды игрушка потерялась...

И почему родителям нравится вспоминать то, как их дети были какающими и сикающими под себя червяками, пищащими и безмозглыми? Чем их не устраивает нормальная, самостоятельная, сформировавшаяся личность с целями, устремлениями и собственным мнением? Не пойму, чем там вообще можно умиляться? Слюной, вечно вытекающей из беззубого рта? Беспорядочными движениями уродливых ножек и ручек? Брррр!

– Ладно, – я поднялась из за стола, давая понять, что тема мне неприятна, и неинтересна. – Я в школу опаздываю.

Подвезёшь, пап?

Отец сосредоточенно вёл машину, я же молча сидела рядом. В лобовое стекло бились крупные мохнатые снежинки. То и дело светофоры вспыхивали красным, но мы не обращая внимания, продолжали свой путь. Моему отцу ещё и не то позволялось.

– Как ты думаешь, решила я задать мучавший меня вопрос. Нужно выяснить всё прямо сейчас, чтобы не думать весь день. У меня и без этого проблем полно.– Мама обиделась на меня?

– Не знаю, – ответил отец, пожав плечами. В стёклах его очков блестел оранжевый свет уличных фонарей. – Но лично я считаю, что так нельзя. Это лучшие моменты её жизни. Вот будут у тебя свои дети, тогда поймёшь.

– Фу, вот этого мне не нужно, – я демонстративно поморщилась.– Превратиться в домохозяйку в засаленном халате – не для меня. Хочу сделать карьеру, чтобы все уважали и боялись.

– Моя дочь, – засмеялся папа, и огоньки в очках засмеялись тоже. – Ты, Вероника Валентиновна учись, старайся, не отвлекайся на глупости. А уж дальше – моя забота.

Пухлая рука отца легла мне на макушку. Да, мой папочка маленького роста, толстенький, очкастый – не орёл. Вот только его боится весь наш вшивенький городок и ближайшие к нему деревеньки. Да, он не первый секретарь, а всего лишь третий, но всё ещё впереди. А я буду учиться, буду доказы-

вать всем, что достойна быть дочерью такого человека, и добьюсь высот. А дети и муж— глупости. Не нужно мне это. К тому же детей нужно делать, и способ этот, если верить рассказам девчонок, довольно мерзкий. Никогда и никому не позволю творить такое с моим телом. Это же как нужно себя не уважать, чтобы допускать подобные гнусности? А Дениска Журавлёв нужен мне, как товарищ, как союзник. Ни о какой дурацкой любви даже и речи не идёт, что бы там мои подруженьки себе не навывдумывали. Светка и Аринка, ещё глупые, вот всякие романтические бредни в головы и лезут. Ну, ничего, воспитаем.

Отец припарковался прямо на школьной аллее, напугав дворника с куцей бородёнкой, сметающего с дорожек снег.

— Куда прёшь! — вскрикнул дядька. — совсем обнаглели, скоро в школу на своих машинах заедут!

Но узнав номера, тут же попятился, прижимая к себе метлу, забормотал какие— то извинения. Я захохотала. Трусливый жалкий нищеброд, не удивительно, что кроме метлы ему больше ничего в этой жизни не доверяют.

Чмокнув папочку в колючую щеку, я вышла из машины и направилась к зданию школы.

Визг малышни. Цоканье учительских каблуков, гудение ламп, запахи пыли, бумаги, талого снега и готовящегося обеда дружно встретили, окружили, окунули в обычную жизнь. Школа— мой второй дом, как бы пафосно это не звучало. И если дома, я принцесса, любимая, обласканная, избалован-

ная. То в школе, я – королева. Меня уважают, меня боятся, ко мне прислушиваются, мною восхищаются. Дома безраздельно правит отец, последнее слово всегда остаётся за ним. Я же вынуждена подчиняться и гордиться тем, что мне выпала честь быть дочерью Валентина Краевского. А вот школа – моё царство.

– Вероника, – из за угла вынырнул одноклассник Лёшка Ожегов.

Серое лицо мальчишки, усеянное мелкими гноящимися прыщиками, гнилые зубы, чёрные противные усики над верхней губой, растянутый свитер и пузырящиеся на коленях брюки всегда вызывали у меня стойкое отвращение. Но парень, будто бы нарочно, преследовал меня начиная с пятого класса. Приглашая то в кафе, то в кино, то на каток. Несколько раз даже посмел позвонить домой. Как назло трубку поднял отец. Ох и был мне потом нагоняй от дорогого родителя за то, что веду себя слишком доступно, за то, что рано начала думать о парнях, и за то, что вожу дружбу с плебеями. Пришлось долго убеждать разгневанного папу и солидарную с ним маму, что они всё не так поняли. За свою выходку Ожегов заплатил сполна. Ему целый месяц пришлось дежурить в классе на радость всем ребятам.

– Ты же любишь оперу, – Лёшка шмыгнул прыщавым носом, втягивая сопли. – В филармонии дают «Мы больше не источники». Может...

Где-то в закоулках школьного коридора я различила го-

лос Дениса. Вкрадчивый, спокойный. Ему вторило блеяние Светки. Фу, ну и смех у неё! Эта дурочка готова хихикать над каждой ерундой. Неужели Дену интересно с ней? Нет! Дениса не могут привлекать пустышки. Ему нужна умная, духовно богатая союзница, смелая, сильная, волевая. Но, тем не менее, эта дура продолжала заливаться идиотским смехом, а вместе с ней веселился и Денис. А если он обнимает её за талию? Нужно скорее идти к ним, помешать, освободить товарища из когтей этой драной кошки. Но вместо того, чтобы отправляться спасать друга, я стою здесь, рядом с прыщавым заморышем.

Раздражение вырвалось наружу, хотя обычно я веду себя довольно сдержанно и тактично. Но всё так внезапно на меня навалилось, и дурацкая попытка мамы покопаться в моём горшковом прошлом, и предстоящая поездка, и подготовка к докладу, и милое воркование Светки с Денисом, моим Денисом, что выдержка изменила мне.

– Молодой человек, – начала я, стараясь придать своему голосу как можно больше холода. – Похоже намёков вы не понимаете.

Мальчик потупился, нижняя губа мелко затряслась. Он сглотнул раз, потом другой, попытался что-то сказать, но я опередила его.

– Вы неприятны мне, вы мне отвратительны. Посмотрите на себя, в каком виде вы приходите в школу? Неужели так сложно одеться во что-то более приличное, чем эти лохмо-

тья? А избавиться от прыщей? А почистить зубы, чтобы из вашего рта не несло рвотой. И прекратите шмыгать носом!

Круто развернувшись на каблуках я зацокала по направлению к кабинету химии. Ладно, с Денисом и Светкой можно и потом разобраться.

В классе меня встретили дружно, радостно. А как ещё встречать дочь третьего секретаря, красавицу, отличницу, лидера, вдохновителя? Взгляды, любопытные, восхищённые, заискивающие, влюблённые. Я же царственно кивнула и направилась к своей парте.

– Готова покорять снежные просторы Эвилии? – шепнула Аришка, когда я уселась рядом с ней.

– Терпеть не могу зимние забавы, всякие лыжи, коньки. Ты же знаешь.

– Да я не про это, – Аришка раздражённо махнула рукой. – Там же клуб есть, в Эвильском стиле, он прямо в подвале человеческой гостиницы находится, специально для людей построенный. Вот там Дениску и охмуришь. Ты, надеюсь, разжилась платьем, подчёркивающим, все твои прелести и сексуальным нижним бельём или в своих скафандрах ходить по дискотекам будешь? Смотри, Светка тебя опередит. Она хоть и на рынке шмотьё покупает, да только пацанам бренды не интересны, им декольте подавай, чтобы на сиськи пялиться.

– Прекрати, – строго прервала я подругу, хлопая учебником химии по столу. – Во– первых– не скафандры, а дорогие

деловые костюмы, во— вторых— все эти танцульки пошлость и бездарная трата времени, а в третьих— Денис не такой. Не нужны ему ни чьи сиськи, а уж тем более Светкины.

— Ещё как нужны! — Аришка намотала на палец рыжий локон. — У пацанов сейчас возраст такой, они трахаться хотят, гормоны играют. А днюху свою где отмечать будешь? В Эвильской библиотеке что ли? В клуб всех позови, развлечёмся! Ведь тебе стукнет восемнадцать, только представь, тебе официально разрешено пить, курить и заниматься сексом. Круто!

— Арина! Ты переходишь все границы!

Подружка засмеялась и показала мне язык. Но тут же стала серьёзной. К нашей парте подошёл Степанов Гришка, толстый, нескладный. Щёки его пылали, маленькие глазёнки суетливо бегали.

— Чего тебе? — холодно спросила я, с удовлетворением глядя на то, как мальчишка вытирает потные руки о штанины, как вжимает бестолковую круглую голову в плечи.

— Ну это, — промямлил Степанов. — Можно я на беседу не останусь. У меня мать ногу сломала, дома лежит, а мне за сестрёнкой в садик...

Щёки Гришки походили на два красных помидора, он топтался, ждал моего решения. Я же тянула с ответом, пусть помучается, поволнуется. Одноклассник же принялся шмыгать носом, втягивая сопли внутрь. Фу, гадость какая! И руки у него потные, вот уже и на брюках пятна проявились.

Нет, такой человек снисхождения не заслуживает, от этого он станет только слабее.

– Нет, мой милый, – я лучезарно улыбнулась. – Ты просто обязан присутствовать сегодня. Мало того, ты сядешь за первую парту, чтобы я тебя видела.

– Но сестрёнка... – Гришка чуть не плакал, что разозлило меня не на шутку. Человек не может достойно принять отказ. С кем я учусь?!

– Это проблемы вашей семьи, или ты хочешь, чтобы я их решила? В нашей стране много детских домов, и если твоя мать не в состоянии позаботиться о ребёнке...

– Прости, Вероника, – в голосе мальчишки зазвенели слёзы. – Я больше не буду, я останусь.

Гришку, как ветром сдуло. Аришка веселилась, смеялась, уткнувшись носом в исписанную столешницу.

– Ой, ну ты даёшь, – едва сдерживая смех, проговорила подруга. – Как ты его напугала. Мальчонка чуть в штаны не наложил. Ой, не могу! Вот только тебе всё это зачем? Кто же сам по своей воле к вампиру на клыки кинется? К тому же, каждому из нас на шею жучки безопасности повесили, все за них в журнале расписались. И твоя лекция, ты уж не обижайся, подруга, мне кажется лишней.

– Арина, – в моём голосе зазвучал металл, даже самой понравилось. – Я позволяю тебе многое, ты знаешь, но пожалуйста, не забывайся. Сегодняшняя беседа, на пример, нужна для того, чтобы напомнить о безопасности нашей с вами

безопасности, между прочим. Мы едем в страну лояльно относящуюся к Далеру. Там, на белоснежных улицах Эвилии, среди ёлочек и сосен, на берегу ледяных озёр ты легко можешь встретить вампира, врага, с которым сражались наши прадеды. Да, милая Аришка, тебе сделали прививку, но вампиры умеют ждать. Что ему стоит забрать тебя в Далер, откормить получше, дожидаться, когда срок действия вакцины закончится и сделать тебя своим источником. Это у нас кругом жучки безопасности понатыканы, а в Эвилии такого нет. А на эти милые кулончики полностью полагаться, тоже не стоит. Вдруг ты его потеряешь или забудешь надеть, что тогда?

– Ладно, ладно, ладно, – подруга замахала руками. – Всё я поняла, не продолжай. Тем более, спорить с тобой на эту тему опасно, тут же в застенках СГБ окажешься, как сочувствующая врагу или вовсе, как шпион вражеского государства.

– А то, – самодовольно усмехнулась я, ощущение власти, собственного могущества пьянило, кружило голову. Прекрасное, ни с чем не сравнимое чувство. – По тому все и боится.

Раздалась трель звонка, и все мы встали, приветствуя вошедшего в класс, учителя.

Глава 2

– Я в этом не пойду! – мой возмущенный крик, наверное, слышали на первом этаже гостиницы.

Красный шарик, скомканный из короткого платишка, что щедро одолжила мне подруга, летит прямо в лицо рыжей ведьме. Аришка ловко подхватывает кусочек ткани, кладёт на кровать и начинает любовно разглаживать подушечками пальцев. Нижняя губа недовольно закушена, зелёные глаза мечут молнии.

– А ничего, что мы в клуб идём, а не в музей? – язвительно произносит она.

– А ничего, что твоя тряпочка больше открывает, чем скрывает? – стараясь скопировать интонацию разгневанной подруги, парирую я. – Показаться на люди в подобном, равносильно тому, что появиться голой.

– Это клуб, там танцуют, привлекают внимание. В своих скафандрах ты будешь выглядеть просто смешно. Да и в конце концов, нужен тебе Денис или нет?

– Денис не столь примитивен...

– Вот только не начинай! Даже если Журавлёв такой, каким его видишь ты, хотя я готова поспорить, что ничего особенного в нём нет, на кого ему приятнее будет смотреть, на девочку в летнем платице, с красивой фигурой и стройными ножками, или на бревно в скафандре? И вообще, ты, Верка, тварь неблагодарная, я ведь тебе лучшее отдала.

Пришлось согласиться с подругой. К тому же, мы не в школе, и побыть немного ветреной позволить я себе могу, заслужила, целый год старательно училась на одни пятёрки, занималась общественной работой, брала призы на олимпи-

адах и конкурсах. А папа? Папочка, наверняка бы не одобрил мой фривольный наряд и моё желание привлечь парня.

– Вероника, – сказал бы он, и три глубокие морщины на лбу стали бы ещё глубже, а густые брови поднялись в удивлении. – Разве об этом нужно думать? Твой долг – хорошо учиться, быть послушной дочерью и стремиться к успеху. Мы с мамой хотим гордиться тобой, и по тому, не разочаровывай нас!

И я бы устыдилась, потупилась и, наверное, целую неделю ходила подавленная и безучастная ко всему. Ведь ничего нет обиднее, чем разочарование родителей, таких правильных, таких умных и таких справедливых. Но ведь говорить им о своих планах не обязательно? Мамочка и папочка остались в Человеческом государстве, а мы в другой стране. Так почему бы и мне не стать немножечко другой, хотя бы на один вечер?

В клуб, что уж греха таить, мне не слишком то и хотелось. Примитивные прыжки под музыку в дыму или в свете лазерных лучей – не для меня. Куда уж интереснее посетить театр, филармонию, ну, на худой конец, кино. Но народ желал хлеба и зрелищ, или вернее спиртного и танцев. И, как королева класса, я была не в праве отказать своим подданным. Да и, признаться честно, праздновать свой день рождения в кино, как – то уж слишком странно.

А ведь как всё хорошо начиналось. Мы двое суток тряслись в поезде. Нашему классу принадлежал весь вагон, папочка постарался. С начала царила суета, каждому хотелось

жить со мной в одном купе, и девчонки переругались между собой. Но я выбрала в соседки Аришку, Светку и Алёну. За окнами тянулись заснеженные поля и угрюмые рощи, деревеньки с покосившимися домишками. Порой поезд останавливался на какой ни— будь станции, и мы наблюдали за тем, как толпа людей в шубах и пуховиках с чемоданами и большими клетчатыми сумками прощалась на перроне, шумела, беспорядочно двигалась, покупала в киосках пиво и пирожки.

В шумном и прохладном тамбуре Денис признался мне в любви. Странно. Я часто представляла себе его признание, всё гадала, когда и где это произойдёт. Вечером или утром? В школе или на парковой аллее? Произнесёт заветные слова вслух? Напишет с.м.с? Позвонит? Но я даже предположить не могла, что Денис признается мне в своих чувствах под стук колёс. Синий вечерний сумрак растекался по обшарпанным стенам, клубился в углах и под ногами. Было немного жутко стоять вот так, чувствовать холод, проносящейся мимо улицы, проникающий из щелей. В сгустившемся мраке я почти не видела лица Дениса, но это казалось мне романтическим, загадочным. Пропахший табаком, мочой и ржавым железом тамбур стал самым родным и уютным местом на планете. Мы тонули в густой синеве, растворялись в грохоте колёс. В голове торжественным набатом стучала лишь одна мысль, от которой в груди алым цветком разрасталась радость: « Это свершилось! Я нравлюсь Денису, он сказал

мне об этом!» И от восторга, накрывшего меня с головой, хотелось свернуть горы. Во мне бурлила энергия, которая требовала выхода. Ну всё, десятый «А», держитесь!

Для того, чтобы класс не скучал и вёл себя прилично, в первый день нашего путешествия я прочла несколько докладов об Эвилии, а во второй устроила поэтический конкурс. По прибытию нас встретил Эвил. Было смешно смотреть, как подпрыгивает его маленькое зелёное тельце в фиолетовых и ярко-розовых пятнах, как дёргаются прозрачные трубочки, торчащие во все стороны. Маленький шарик, едва достающий до колена, источал густой дух канализации, а произнося слова на международном, скрежетал и лязгал, словно прокручивал несмазанные шестерёнки, путал слова, не правильно ставил ударения. И я, по началу, испугалась, что кто-нибудь из ребят засмеётся и, тем самым, оскорбит, представителя Эвильского народа. Но одноклассники ни чем не выдали отвращения к специфическому запаху, да и речь нашего гида тоже никому смешной не показалась, и я вздохнула с облегчением.

А потом была увлекательная экскурсия. Нам показали жилища Эвиллов – широкие, извивающиеся по земле, подобно гигантским змеям, тёмно-зелёные трубы, выставку автомобилей и самолётов. Автомобили напоминали огурцы и цветом и формой, а самолёты круглые, красные, с короткими крыльями вызвали невольную улыбку. Мы видели, как иная, совершенно не похожая на нас, разумная форма жизни пита-

ется. От огромного количества салатowych клубочков рябило в глазах, а от удушливого запаха к горлу подкатила тошнота. Попискивая и поскуливая они погружали свои прозрачные трубочки в землю, и было видно, как по ним бежит что-то светло-коричневое, устремляясь к круглому тельцу. Эти существа питались исключительно соками почвы и солнечным светом, не имели пола и размножались спорами. Они не ощущали ни тепла ни холода, не чувствовали боли и регулировали размеры своего тела от двух метров, до двух миллиметров, в зависимости от решаемой задачи. Кстати эту метаморфозу нам тоже продемонстрировали. Признаюсь честно, меня передёрнуло от гадливости, когда наш проводник с начала раздулся, превратясь в безобразный валун величиной с дом, а спустя мгновение, сжался в горошинку.

А вот гостиница, в которую нас поселили, оказалась довольно обычной, человеческой. С милой вежливой девочкой за стойкой регистрации, некоторые люди уезжали в Эвилию на заработки, с лифтом, просторным холлом, длинным коридором с ковровой дорожкой непонятного цвета, на полу и двухместными номерами.

И теперь, такой замечательный день, полный открытий и новых знаний завершиться банальным дёрганием под отупляющую музыку. Ну да ладно, в конце концов, цель оправдывает средства. Денис пригласит меня на танец, во время которого мы обсудим с ним увиденное, я предложу ему подготовить доклад о нашем путешествии и прочитает его пе-

ред всей школой в актовом зале. Мы будем готовиться с ним вместе, сидеть рядом, чуть касаясь друг друга рукавами...

В дверь комнаты постучали, и на пороге возникла Светка. Вот только её здесь не хватало. Если бы не Аришка, моя лучшая подруга, я бы давно поставила эту тупую куклу на место. Меня раздражало в Светке буквально всё и льняные кудряшки, и наивные голубые глазки, и кружевные кофточки, обтягивающие огромную грудь. Кстати Светкину грудь я ненавидела больше всего. На неё пялилась вся мужская половина класса, а Светка, вместо того, чтобы смущаться, гордилась этим. Аришка и Светка были двоюродными сёстрами. Их семьи собирались на праздниках, ездили на пикники, работали на дачном участке. И от осознания того, что Аришка со Светкой, без меня сидит у костра, украшает новогоднюю ёлку, бродит по магазинам в поисках подарка для мамы и бабушки, пропалывает морковь на даче, становилось гадостно. И когда эта белобрысая дура начинала восторженно вещать, как они с Ариной проводили выходные, я мечтала взять в руки кувалду, и обрушить её на тупую блондинистую голову.

– Вы готовы, девчонки? – пропищала Светка.

От неё пахло карамелью и клубникой. Тьфу! Вся такая сладенькая, аппетитная, в своём розовом платье с рюшечками, словно пирожное.

– Ариш, а помнишь, как мы на Новый год, когда ещё тётя Лиза с Маратиком приезжала...

– Избавь меня от трогательных семейных воспоминаний, – раздражённо прервала я, ощущая, как от ревности сводит скулы. Это она специально, знает, стерва, чем меня задеть.

– А что я такого сказала? – блондиночка непонимающе обратила свой небесный взгляд на сестру, ожидая поддержки.

Ну, дорогая, ты сама напросилась.

– Клуб и бордель не одно и то же, – холодно проговорила я. – Немедленно сними это!

Мой указательный палец ткнул в розовые рюши.

Светка в испуге отшатнулась, обхватив себя за плечи, крест накрест, словно боялась, что я сорву с неё этот нелепый кукольный наряд. Правильно боялась. Это как раз я и собиралась сделать.

– Некогда тратить время на переодевания, – вмешалась Арина, стараясь убить двух зайцев, и меня поддержать и за сестру вступиться. Нет уж, милая подруженька. Так дело не пойдёт, и нашим и вашим. Я сильнее, а значит – в своём праве.

Вытянув из недр своего чемодана пижаму, я швырнула её в Светку.

– Пойдёшь в этом! Иначе, я буду вынуждена сообщить отцу, что ты подражаешь вампирским женщинам.

От неожиданности Светка икнула.

– Я не подражаю, с чего ты взяла, Верочка. Платье не вам-

пирского производства, я его купила на распродаже...

На белом лице выступили багровые пятна, от чего девушка тут же потеряла пятьдесят процентов своей привлекательности.

– Это шифон, – я брезгливо дёрнула за рукав– фонарик с такой силой, что ткань затрещала. – Лёгкий, полупрозрачный, подходящий для жаркого Далерского климата, не так ли? А ещё совсем недавно, ты заикнулась о том, что тебе надоела зима и хочется, чтобы круглый год было лето. Говорила ?

Светка часто закивала, словно этими бессмысленными движениями пыталась сменить мой гнев на милость. Вот только меня уже несло. Не люблю, когда кто– то посягает на то, что по праву должно принадлежать мне.

– Ну вот, сама призналась. Так стоит ли мне расценивать твой наряд и твои высказывания, как пропаганду вражеской культуры и образа жизни? А может ты и твоя семья члены тайной организации. Знаешь ли, одну такую подпольную шайку уже накрыли. Кучка идиотов хотела свергнуть СГБ, готовила бунт, правда не в нашем городе, а в столице. Но может быть, ваша семейка имеет к этому отношение? Надо бы сказать отцу, пусть разберётся.

Ох, с каким удовольствием я прочла удивление и страх, панический страх затравленного зверька на миловидном личике.

Аришка застыла в немом изумлении, подобной жестоко-

сти она от меня не ожидала. Да, откровенно говоря, я и сама от себя такого не ожидала. По истине, все светлые мысли приходят внезапно. Теперь мне не терпелось оказаться в клубе, чтобы посмотреть на вытянутые лица одноклассников да и не только их, когда перед ними появится чудо в пижаме, на три размера уже.

– Прости меня, Верочка, я больше так не буду, – беспомощно залепетала кукла.

Я дьявольски расхохоталась. Детский сад да и только! Да кого трогают её «Прости». Вот дура то!

– Я тебя прощаю, – моя рука проводит по белым шёлковым волосам одноклассницы, ложится покровительственно на плечо. – По этому, ты отправляешься в клуб не в нижнем белье, а в этой прелестной пижамке в очаровательный горошек. И учти, хорошая моя, я прослежу, чтобы ты веселилась на полную катушку, танцевала у всех на виду, а не пряталась в дамской комнате.

С одноклассницей случилась истерика. Она рыдала, рвала на себе волосы, бухалась передо мной на колени. Я же безучастно смотрела на её попытки докричаться до моего милосердия.

Мне даже интересно не было, до какой степени унижения дойдёт эта девчонка. Я привыкла к слезам и просьбам своих подданных к их страху и восхищению, к их тайной зависти и желанию оказаться, как можно ближе. Напрасно Светка пыталась меня разжалобить, зря валялась у моих ног. Мне она

была безразлична. Весь этот спектакль я затеяла для Аришки, чтобы драгоценная подруженька поняла, как опасно спорить со мной, как опасно пренебрегать моей благосклонностью, отказываться от моей дружбы.

— А ну, вставай! — наконец не выдержала я. Опаздывать на вечеринку по случаю собственного дня рождения мне не хотелось.

Схватив Светку за шиворот, я попробовала поднять дурную девицу с пола, но, конечно же, потерпела поражение. Одноклассница была втрое шире и выше меня, а жаль. С каким удовольствием я бы приподняла наглуую девку над полом. Чтобы беспомощно болтались толстоватые ножки, чтобы белые кудряшки подметали ковёр.

— Свет, встань и переоденься, — мягко прошептала Аришка.

Заботливые руки сестры без труда помогли подняться белобрысой дурочке, освободили её от злосчастного платья и принялись натягивать пижаму, которая бессовестно трещала по швам.

Потом, рыдающую Светку увели в ванную, чтобы та умылась. И от туда, за шумом воды доносились сдавленные рыдания и невнятные жалобы не то на меня, не то на судьбу— злодейку.

Да, я победила, но от чего— то победа не принесла удовлетворения, как это бывало раньше. В животе ворочался неприятный скользкий комок, словно произошло нечто

непоправимое, словно недавний инцидент послужил точкой отсчёта, что вот сейчас начинается новый виток моей жизни, и ничего нельзя исправить, ни чего нельзя вернуть. Страшно? Тревожно? Пожалуй. Но почему? Откуда это странное ощущение грядущих перемен? А может мне просто приелся вкус власти?

Наконец сестрички выползли из ванной и мы вышли из номера.

Глава 3

Клуб не произвёл на меня особого впечатления. Да и что может быть интересного в полутёмном зале, наполненном зеленоватым дымом, танцующими людьми и запахами алкоголя? По стенам, потолку и полу ползли разноцветные пятна. Острые лазерные лучи, словно длинные спицы, резали полумрак. Музыка, больше похожая на грохот и лязг товарного поезда, мешала слышать друг друга. Приходилось кричать, перегнувшись через стол. И здесь я должна провести вечер? Потратить на это бессмысленное прыганье под режущий слух шум своё время? Кошмар!

Весь наш класс собрался за столиком, подальше от сцены, на которой вихлялась парочка вульгарных девиц. К моему удивлению Светкин внешний вид ни кого не шокировал, а я то ожидала насмешек и колкостей, снисходительного и высокомерного взгляда со стороны Дениса. Всё же Аришка оказалась права, в обтягивающем красном платье на тонких бретельках, с тоненькой золотой цепочкой на шее и рас-

пущенными волосами, отливающими платиной, я выглядела просто очаровательно.

– С совершеннолетием тебя, наша милая Вероничка! – восторженно прокричала Алёна, поднимая свой бокал игристого.

Ребята поддержали её. Мы чокнулись. По лицам одноклассников скользили всё те же нелепые цветные огоньки, и от того они, эти лица, такие знакомые, такие родные, казались сейчас совершенно чужими. Неприятно– зелёные, болезненно– жёлтые, устрашающе– красные.

– Ох, и круто здесь! – потянувшись произнёс Антошка. – Номера просто класс!

– Ага, – подхватил Денис. – Особенно бар с напитками. Коньяк у них отменный. Где ещё такого отведаешь?

Упоминание Денисом о спиртном покорило. В моём представлении Денис должен быть идеальным, смелым, благородным, без вредных привычек. А тут – коньяк!

– Употребление спиртных напитков влечёт за собой массу негативных последствий, – начала я отчитывать мальчишек, дорвавшихся до свободы, но мой голос потонул в шуме музыки и голосах других ребят.

Меня это укололо. Обычно, когда я начинала говорить, сразу же воцарялась гробовая тишина. Так почему же Ожегов перебил мою речь своими восторгами по поводу светящихся стен в ванной комнате, а Танька восхищённо охала описывая шторы и ковры.

Одноклассники вспоминали сегодняшнюю экскурсию, строили планы на неделю, в которые входило не только посещение интересных мест, но и дегустация алкоголя в баре. И несмотря на то, что я сидела среди своих друзей, ближе которых, если быть честной перед собой, у меня нет не было, я чувствовала себя одинокой. Такого ощущения отстранённости от чего то важного, обиды, разочарования, усталости, я не испытывала уже давно, с третьего класса, наверное. Неужели вновь? Серое рыхлое небо над мокрым школьным двором. Девочка медленно поднимается, с земли, на которую её так грубо толкнули, обречённо рассматривает грязные ладошки. Жёлтые монетки опавших листьев прилипли к идеально выглаженным брюкам и светлой розовой курточке. Они, эти листья, такие же мокрые, как и всё вокруг, пахнут так неприятно, тоской и отчаянием, ушедшим летом и крушением надежд. Девочка едва скрывает слёзы, она знает, что плакать нельзя, что никто не станет её жалеть, лишь в очередной раз посмеются. Дети убежали играть, оставив её одну. Сейчас они смеются и о чём— то разговаривают в беседке. Им весело, ведь Глеб притащил в школу настоящую живую крысу, серую с длинным хвостом. И сейчас все выстроились в очередь, чтобы погладить животное. Глеб добрый, он всем разрешит. Всем, кроме неё.

Нет, не надо об этом! Да, такое было со мной, но давно, очень давно. А сейчас, меня любят, меня уважают, меня боятся. Я — королева класса, лицо школы. А эти ощущения вы-

звало спиртное. Я же не пью, лишь под Новый год позволяю себе бокал шампанского, да и тот не допиваю до конца.

А одноклассники продолжали смеяться, говорить о каких-то пустяках, рассказывать скабрёзные анекдоты. Хотелось сделать им замечание, но что-то останавливало, даже пугало. Будто одним неосторожным словом разворошу осиное гнездо, переступлю какой-то рубеж. Да что же это такое?

Вновь бутылка идёт по кругу, и из её горлышка льётся в бокал пузырящаяся жидкость. Поднимаются тосты за меня, за наш дружный класс, за гостеприимную Эвилию, за великий триумvirат и СГБ. Голова становится тяжелее с каждым глотком, в желудке бурлит и я чувствую неприятную тяжесть, от которой хочется избавиться, прямо сейчас, сею же минуту.

Раздражает всё, и музыка, и смех, и запахи, особенно запахи. Как же дурно здесь пахнет, вернее сказать, воняет. Всё, больше не могу.

Вскакиваю со своего места и бегу к спасительным дверям с изображением дамы.

В светло-зелёной кабинке туалета меня выворачивало и трясло. Пищевод сжимался в болезненных спазмах, на лбу выступила испарина. Нет, пить мне, однозначно нельзя. И как Аришка может опрокидывать бокал за бокалом и оставаться всё такой же весёлой и бодрой? А Светка? Сидит, пьёт, и ничего ей не делается.

Когда тошнота отпустила, а рвать стало уже нечем, я уста-

ло опустилась на крышку унитаза. Посижу, отдохну, а потом присоединюсь к остальным. Конечно, хочется домой, но как оставить класс без своего контроля. Мало ли, отыщется смутьян, который захочет свергнуть власть.

Послышался стук женских каблучков по кафельной плитке. Скорее всего вошли две дамы. Одна включила воду, другая же топталась возле зеркала. Наконец та, что любовалась собой в зеркальном отражении, произнесла:

– Странно, я думала, он вообще в мою сторону не посмотрит из за этой дурацкой пижамы, а в итоге, я приглашена на танец.

Светка? Интересненько, кто это чучело пригласил?

Я осторожно подобрала под себя ноги, чтобы вошедшие не смогли увидеть носки моих туфель.

– Дурочка, – Аришка завинтила краник и встала рядом с сестрой. – Дениска любит тебя, ты нужна ему любая, в пижаме или без. А лучше без.

Девицы пьяно захихикали. Фу! Как пошло то! Денис любит Светку! Какая чушь! Да быть такого не может. Просто эта белобрысая дура липнет к нему, как банный лист, вот он и решил с ней потанцевать.

– Ох, ты просто не представляешь, какая у нас ночь была перед отъездом в Эвилию, – наверняка Светка закатила глаза, мечтательно и глупо. – Родаки Дена свалили на дачу к знакомым, что– то там праздновать, а я приехала. Блин, Аринка, всё как в кино, свечи, розы, ужин. Дениска так го-

товит чудесно! Он ведь мне кольцо подарил, предложил расписаться, прикинь! А я плачу, и ничего сказать не могу. Ну как мы поженимся, ведь эта сучка номенклатурная нас со свету сживёт. Ден ведь не только в институт поступить не сможет, он ведь и работу не найдёт. А меня так вообще по этапу отправят.

У Светки начиналась очередная истерика, в голосе звенели слёзы, ещё немного, и она начнёт биться головой о стену.

– Прекрати! – резко прервала Арина. – Нужно бороться за своё счастье. Да, у Вероники влиятельный отец, да, третий секретарь приёмной СГБ способен на многое ради своей дочурки, но это не повод, чтобы выйти замуж за любого алкаша или остаться старой девой лишь по тому, что твоего любимого мужчину захотела богатенькая тварь.

Тварь? И эти слова произнесла моя лучшая подруга? Происходящее всё больше напоминало дурной сон. А может, я напилась до белой горячки и сейчас брежу?

– Что же ты сама перед этой тварью пресмыкаешься, да и не только ты, весь класс лижет ей задницу?– Светка приотпнула ножкой.

– Хочу поступить, и все хотят. Ты что всерьёз думаешь, что её кто– то любит? Ни чуть! Вся школа ненавидит Краевскую. Всех достали её беседы, доклады, собрания. Вот запомни мои слова, только закончится учебный год, только пройдут вступительные экзамены, все с облегчением забудут эту крысу. Ни один из нас ей больше никогда не позвонит.

Кроме Ожегова, конечно. Только такой извращенец может влюбиться в селёдку с длинным носом, серыми волосами и пупырышками вместо нормальных сисек. А задница? Ты зад её видела вообще? Её вовсе нет! Даже если Денису пригрозят расстрелом, он не женится на этом убожестве.

– А если и женится, то будет изменять, – смех Светки застучал тысячей мелких холодных шариков о кафельные стены.

Девчонки вышли, а я осталась сидеть на крышке унитаза, с трудом понимая, что происходит. Слова лучшей подруги продолжали висеть в воздухе. От них веяло болотной гнилью, они имели тухловатый привкус. Всё ложь. Восхищённые взгляды, интерес к моим лекциям, даже дружба Аришки оказалась обманом.

Перешёптывания на уроках,
чтение книг по ролям, походы в библиотеку, долгие вечерние разговоры по телефону, сердечные тайны, что я доверяла ей, что она доверяла мне. Всё это мираж? Дым? А что же было на самом деле? Что чувствовала Арина по отношению ко мне? Отвращение? Равнодушие? А Денис? Он любит Светку, нелепую глупую, ограниченную Светку. Он сделал ей предложение, ласкал её, занимался с ней сексом, пока я писала доклад об Эвилиии и представляла, как он, Денис Журавлёв, скажет, как ему было интересно и предложит поработать вместе. Наверняка об их отношениях знал весь класс. Знал, и в тайне посмеивался надо мной, легковойной

дурочкой, папенькиной дочкой. Так что же это получается, я ничего не представляю из себя, как личность? Я никто без папы? Личная выгода и страх перед СГБ— вот что держало всех рядом со мной! Я никому не нужна и никому не интересна!

Так я уже давно не рыдала. Взахлёб, отчаянно, потеряв всякое представление о времени и пространстве. Из груди вырывался протяжный тоскливый вой, тело тряслось в ознобе.

Но нельзя же вечно сидеть в кабинке, и я открыла дверь, подошла к зеркалу и встала на то же место, где недавно топталась Светка. Из зеркала на меня глядело жалкое существо с красными глазами, в обрамлении припухших век. Да уж, Аринка права, я далеко не красавица. Меня и милой то называть нельзя. Мои волосы отливают платиной? Кто это сказал? Мама! А глаза мои лазурно— голубые, фигура точёная, нос тонкий, аристократический. Ох и фантазёрка же моя мамочка! Какая платина? На моей голове серые тусклые пакли. Какая лазурь? Взгляд мой невыразителен, а цвет глаз— рыбий, никакой. А фигура? Есть ли она у палки? Мои рёбра безобразно выпирают, подключичные ямки слишком глубоки, а колени и локти острые, просто кости, обтянутые кожей. Стоит ли удивляться тому, что Денис выбрал не меня, а красивую Светку? А внутренний мир? Да кому он нужен? Мои одноклассники сейчас прыгают под лязг и визг, целуются и трутся друг о друга телами, бездарно убивая время. И

ни у одного из них даже не возникнет мысли о том, что вместо всего этого, можно посетить филармонию и насладиться классической музыкой. Обвиняю друзей, теперь уже бывших, во лжи, а сама то я честна перед собой? Мне всегда хотелось выделиться, стать лучше, быть во всём первой и в учёбе, и в общественной жизни школы, и в глазах родителей. Мне нравилось, когда отец говорил:

– Наша дочь, не такая как все. Всякие танцульки, наряды и духи не для неё. Наша девочка серьёзна и умна не по годам!

Я полюбила ходить с родителями в филармонию, хотя порой мне и хотелось на дискотеку, заставляла себя читать тяжёлую классическую литературу старого мира, продираясь сквозь дебри витиеватого языка, но, на самом деле, с трудом сдерживалась, чтобы не попросить у девчонок какой–нибудь роман в мягкой обложке. А все эти доклады, лекции? Всё это делалось ради Дениса, ради его внимания, его благосклонности, ну и ради похвалы отца, конечно. Вот только Денису оказалось это ненужно, он выбрал Светку.

Больше не в силах находиться в клубе, в месте, где все веселятся, пьют, где нет никому ни до кого дела, я, получив в гардеробе свою шубку, выскочила на тёмную морозную улицу.

Клуб располагался на цокольном этаже гостиницы, и от меня требовалось всего лишь подняться на этаж выше, но я почему–то побежала по присыпанной снегом дорожке в густую тьму. Чем было вызвано моё такое нелогичное, мож-

но даже сказать, глупое поведение, объяснить не могу. Может тайной надеждой, что кто-то из одноклассников увидит меня в расстроенных чувствах остановит и пожалеет? Не знаю. Но я бежала, стуча каблучками по асфальту, глотая ртом колючий воздух всегда холодной Эвили, отдаваясь от единственного источника света— огромной вывески с названием человеческой гостиницы, от людей, в бездушные объятия чужого, иноземного, хищного мрака.

Глава 4

Темнота впереди, темнота позади, сверху и снизу. Куда пропали сосны, пронизанные ледяным, равнодушным лунным светом? Почему не слышны отдалённые звуки музыки, ведь я не успела далеко убежать? Куда идти, если вокруг лишь густая чернота, ни звука, ни шороха. Почему исчезло холодное звёздное небо? Где жёлтый, как ломоть сыра серп луны, в свете которого искрился снег? Попыталась крикнуть, но голос потонул, словно в вате. Я будто оглохла и ослепла. Лишь крепче стали колючие объятия Эвильского мороза, дышалось с трудом, а голову сжимало в спазме. Я беспомощно крутилась на одном месте, пытаюсь понять, куда двигаться, всё отчётливее понимая, что из этой ловушки мне не выбраться. Я останусь здесь, на этом месте, замёрзну и умру. Мой труп запорошит снегом, который никогда не растает, ведь в этой стране снег не тает никогда. Надеяться на то, что меня найдут глупо. Никому и в голову не придёт искать меня здесь. Да и за чем меня искать? Я никому не нужна, даже

Аришке. Стоять нельзя, нужно двигаться, чтобы не замёрзнуть. Вот только двигаться у меня получалось с большим трудом. Ноги казались чужими, тяжёлыми и неповоротливыми. Я сама себе напоминала муху, попавшую в вязкий кисель. Такое со мной было, очень давно. Мрак с начала окружал меня снаружи, а потом заползал внутрь, и сознание моё гасло. Ну, а когда я возвращалась, на смену тьмы приходили беспомощность, слабость и стыд. Ведь все вокруг могли наблюдать за тем, как я бьюсь в судорогах, как изо рта вытекает пена, а кишечник и мочевой пузырь расслабляются. Неужели опять? Нет, только не это! Властитель вселенной, пожалуйста!

Отчаяние накатило с новой силой. Я чувствовала, как застывают на щеках, бегущие из глаз слёзы и уже твёрдо знала, что не выберусь из этой ловушки. А холод продолжал своё коварное дело, глаза начали слипаться, ноги подкосились, и мне больше ничего не осталось, как упасть на снег.

Волны сна подхватили и понесли меня из крошечной тьмы в лето, под тёплые лучи солнца, И я доверилась им, перестав цепляться за реальность. В моём сне было тепло и светло, голубое высокое небо, зелень раскидистых платанов и шум моря, бьющегося о каменистый берег. Кричали чайки, пахло солью и незнакомыми иноземными травами. Но здесь, в этом дивном чужом месте я чувствовала себя свободной и счастливой. Я ничего не боялась, ни очередного приступа, ни потерю власти, ни осуждения со стороны других. Я

просто жила, пила этот свежий воздух свободы, наслаждаясь каждой секундой.

– И что понесло вас в лес на ночь глядя? – строгий взгляд ярко– голубых глаз прожигал, пронизывал, от него хотелось спрятаться, стать как можно незаметнее. Я инстинктивно вжала голову в плечи.

– Не знаю, – голос мой дрожал не то от страха, не то от холода, который уже начал отступать. – Наверное, я слишком много выпила. А что со мной было?

Я продолжала цепляться за соломинку, в надежде, что это был не приступ, а какая– то местная природная аномалия, или отравление спиртным, либо так на меня подействовал мороз. Все, что угодно, только не возвращение приступов.

Незнакомец уселся в кресле, откинул со лба прядь блестящих тёмно– русых волос и поморщился.

– Приступ эпилепсии, наверное вы и сами поняли. На ваше счастье я оказался рядом и смог оказать вам помощь.

Всё, надежды пусть глупой, пусть наивной, пусть детской больше нет. Нужно свыкнуться со знанием того, что болезнь вернулась и жить с этим.

– Спасибо вам. Назовите мне своё имя, фамилию и адрес. Мой отец обязательно вас отблагодарит. Вы спасли мне жизнь...

На мгновение я удивилась, так как ожидала чего угодно, но не этого. Но потом, мне стало обидно и от чего то стыдно. Щёки и уши вспыхнули, а на глаза навернулись слёзы. Вла-

ститель вселенной, неужели я так смешна? Неужели я вновь сказала какую – то глупость?

Мужчина хохотал. Хотя нет, он ржал, громко, радостно, легко, как смеются свободные, независимые люди. Осталось лишь за живот схватиться.

Отсмеявшись, молодой человек подошёл и провёл пальцами по щеке, и я вспыхнула ещё сильнее. Это, казалось бы, такое простое, ничего не значащее прикосновение, показалось мне интимным. Я сглотнула, попробовала отодвинуться, но застыла, глядя в голубые манящие омуты его глаз, в которых сейчас прыгали озорные чёртики.

– А не боишься папёнке рассказывать о своей выходке? Получишь ведь, – незнакомец улыбнулся, мягко, даже как-то наивно, а на его щеках образовались трогательные ямочки. И от чего – то от этой улыбки, от этих насмешливых слов на душе стало светло и спокойно.

– А называть меня можешь Мишей, или Михаилом. Мне подходит это имя, как ты думаешь?

Станный вопрос. И вот как на него отвечать?

– Раз вас так называли, значит подходит, – ответила я.

Он вновь рассмеялся. И чего он ржёт постоянно, с головой что ли не дружит?

– Ну как зовут вас я уже знаю, администратор сказала. Спокойной ночи, Вероника Краевская. И больше в пьяном виде по лесам не бегайте.

Он ушёл, закрыв за собой дверь. В воздухе остался его за-

пах свежий, бодрящий дух моря, грозы, полевых трав и хвои.

Странный какой— то. От награды отказался, назвался чу- жим именем. Да в общем то какое мне дело до этого голубо- глазого мужика с русым хвостом на затылке. Он мне помог, сделал доброе дело, за что ему большое спасибо. Но больше мы с ним никогда не увидимся. Ну и не надо! Вот только от чего стало как то пусто? Словно отключили солнце конкрет- но для меня, и оно, это солнце сейчас ушло светить кому- то другому.

Дотронувшись до шеи, я не нашла, уже ставшего привыч- ным, кулона. Где я могла его оставить? Может, верёвка по- рвалась, и он упал? Ну да чёрт с ним! Папочка заплатит штраф, пожурит меня за головотяпство. Ну да ладно. Гораз- до важнее другое— мои отношения с Аришкой в частности и классом в целом.

Вновь навалилась тоска и нахлынули детские воспомина- ния. Гадкие и отвратительные, те, что я так старательно за- гоняла в самые тёмные и пыльные закоулки своего сознания.

Меня невзлюбили сразу, как только я перешагнула по- рог класса. Детский коллектив был уже сформирован, уже успели образоваться небольшие группки, парочки школьных подружек, и мне, новенькой девочке, пришедшей в третий класс, места уже не было.

Играть со мной на переменах не хотели, сидеть за одной партой тоже. Я, конечно же, переживала, плакала ночами в подушку, старалась задобрить девчонок и мальчишек кон-

фетами и игрушками, но всё было тщетным. Дети съедали угощения, брали игрушку, и убегали к тем, с кем привыкли играть с первого класса.

Я с завистью смотрела на то, как девчонки хвалятся новыми карандашами и тетрадками, как договариваются встретиться на выходных, как угощают друг друга жвачкой или печеньем, приглашают на день рождения, смеются, шалят.

Утренние пробуждения в школу были для меня мучительными. В окно детской смотрел оранжевый глаз фонаря, одинокий и тоскливый, он едва рассеивал вязкую предрассветную холодную мглу. И я ненавидела утро, ненавидела этот фонарь и себя саму за свою слабость, ненужность и болезнь из-за которой я не смогла пойти в первый класс вместе со всеми, а вместо этого сидела дома и мечтала о том, что пойду в школу и найду друзей.

Чем больше я боялась приступов, тем чаще они настигали меня. На уроке или на школьной линейке, в столовой или на прогулке я в любой момент могла пронзительно вскрикнуть и, упав на землю, начать биться в судорогах.

Смех детей преследовал меня постоянно. Девочки морщили носики при моём появлении, мальчишки ложились на пол и принимались извиваться, изображая меня. Я не имела имени и фамилии, у меня была лишь кличка— «Припадочная».

Ох, сколько же врачей и народных целителей мне пришлось посетить. И каждый из них назначал лекарства, под-

вергал моё тело различным процедурам от самых, что ни на есть современных до самых нелепейших. А итогом всего этого оказывалось лишь беспомощное разведение руками со стороны врачей и обвинение в мошенничестве со стороны отца.

В возрасте двенадцати лет, я решила, что достаточно потерпелась от жизни, чтобы продолжать влачить унижительное существование изгоя и объекта для насмешек.

Прыжок из окна с крыши, удушение верёвкой показались мне слишком страшными. Выстрел из отцовского пистолета— трудным, ведь я совсем не умела стрелять, а вдруг не получится. Пришлось набирать ванну и резать вены бритвой. Боли я не чувствовала, лишь ощущала, как силы покидают меня, растворяясь в тёплой воде. А потом была больница, слёзы мамы и строгая отповедь отца, класс во главе с учительницей, бледной и напуганной, уверения в любви, дружбе и хорошем отношении, апельсины, шоколад и моё желание поскорее выписаться.

Самые жестокие обидчики были наказаны, вернее не они сами, а их родители. Кого— то посадили за хищение, кого— то выслали из города на вечное поселение в Амгроведск. Учительницу уволили, отобрав диплом и запретив преподавать. А у меня появилась куча подруг и друзей.

Я лежала, глядя в тёмный потолок гостиничного номера, прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся из коридора. Гул лифта, шорох по ковровой дорожке чьих— то тапок,

хлопанье дверей.

Аришка придёт сюда, обязательно. Ведь здесь её вещи, ведь нужно же ей где– то ночевать? Она войдёт в номер, покрасневшая, пьяная, с растрёпанной причёской и припухшими от поцелуев губами, и мы во всём разберёмся. Арина попросит прощения за свои слова, мы посмеёмся над Светкой. Подруга заверит меня в том, что в классе меня по-прежнему любят и уважают, а все её слова предназначались глупой белобрысой курице, дабы она не ныла и не портила вечер. Я честно признаюсь подруге о возвращении приступов, расскажу о симпатичном незнакомце.

– Не дрейфь, Верунчик, – посмеётся рыжая ведьма над моими страхам. – Тому, кто вздумает обидеть нашу королеву, я самолично плюну в рожу!

Так, разговаривая сама с собой, я и погрузилась в сон без сновидений.

Глава 5

Я проснулась и сразу же поняла, что Аришки в комнате уже нет. В воздухе, свидетельствуя о недавнем пребывании подруги, продолжал висеть терпкий запах её духов. Огромный красный чемодан, ещё вчера так небрежно лежащий на полу, с распахнутой пастью из **которой** выпирали кофточка в вперемешку с нижним бельём, исчез. Так же исчезли мягкие тапочки с собачьими головами, и плюшевый заяц–талисман на счастье, и расчёска, между зубьев которой застряли рыжие волосы.

Одиночество сжало моё горло, засвербело в носу, побежало противным холодком по венам. Она ушла, тихо, без объяснения причин.

И что теперь будет с нашей дружбой? Что будет со мной? Сейчас я могла себе признаться в том, насколько сильно зависела от Аришки. Только с ней мне было так весело, только ей я могла доверить свои секреты, только её присутствие в нашем доме было одобрено родителями. Всех же остальных папенька и маменька считали быдлом и отребьем. А **сейчас** её рядом нет. Где она? Скорее всего, отдыхает после возлияний и танцев, как и весь наш класс.

Я наспех приняла душ, влезла в один из своих брючных деловых костюмов и спустилась на первый этаж, где располагалось небольшое кафе.

Посетителей было мало. За столиком у окна двое мужчин о чём-то разговаривали, то и дело эмоционально жестикулируя. За дальним столом, на противоположной стороне от двери, пожилая дама читала газету, а её внучок лет пяти лениво жевал огромную булку. Тишина, лишь из динамиков музыкального центра льётся тихая мелодия. В окна глядит ослепительно— белый Эвильский день. И от того, зал кажется празднично— торжественным.

Аришку я заметила сразу. Она сидела под искусственным деревцем, поставив локти на столешницу и опустив на ладони голову. Перед девушкой дымилась чашка с ароматным кофе.

Знала, что это всего лишь лучшая подруга, что мы всегда понимали друг друга. Но от чего— то колени мои дрожали, и руки тряслись так, будто бы я, а не она вливала в себя стакан за стаканом. С чего начать разговор? И нужно ли вообще выяснять отношения здесь, в общественном месте? Но если не здесь, то где? Будет ли у меня возможность встретить Аришку в одиночестве, без Светки?

Я отодвинула стул и села напротив подруги. Та лениво открыла опухшие и покрасневшие глаза.

— Тебе не следовало так много пить. За веселье приходит расплата, — заметила я, чтобы начать разговор.

И это оказалось моей ошибкой. Я поняла свой промах уже на половине произнесённой фразы по тому, как губы Арины сложились в жёсткую грубую полоску.

— Зато мне будет что вспомнить, — каркнула подруга и тут же сделала большой глоток из чашки, успокаивая боль в саднящем горле.— А что вспомнишь ты? Как доставала весь класс своими идиотскими докладами, беседами и конкурсами знаний? Как унижала людей лишь по той причине, что их отцы простые работяги? Как во всём подчинялась самодуру и снобу папочке? Не удивлюсь, если ты умрёшь девственницей.

Последнее замечание подруги от чего— то показалось мне наиболее обидным.

— Арина! — строго прикрикнула я, как и раньше, когда подруга забывалась. Обычно после этого рыжая ведьма прими-

рительно поднимала руки и улыбалась, но сегодня мой окрик не подействовал.

— Что «Арина»? Ты думаешь я боюсь? Да не хрена я тебя не боюсь. Надоело! Знаешь, в тот момент, когда ты раздавила Светку, заставив нацепить эту дурацкую пижаму, у меня в голове что— то щёлкнуло. Я увидела всё происходящее другими глазами. Передо мной разворачивалась сцена с участием не двух глупых школьниц, а двух социальных слоёв. Ты — олицетворение верхушки общества, СГБ, который управляет всеми сферами в нашей стране. Светка же— народ, забытый, трясущийся за свою жизнь и жизни своей семьи. Беспомощный, слабый, зависимый и униженный. И мне так противно стало, так гадко. Ведь я тоже из этого народа, так же боюсь тебя и тебе подобных, так же стараюсь угодить, так же опасаясь произнести лишнее. Ты зовёшь меня в свой дом. А я не хочу туда идти, не хочу встречаться с презрительной улыбкой твоей матери, чувствовать изучающий взгляд твоего отца. Ты угощаешь меня деликатесами, а мне кусок в горло не лезет. Ведь сегодня я в милости, а завтра меня могут обвинить как в воровстве, так и в шпионаже в пользу Далера.

Голос подруги звучал ровно, как— то даже обречённо. Она всё для себя решила и сейчас просто ставила меня перед фактом. Ох, лучше бы она кричала, материлась, и извергала проклятия на мою голову. Но Арина размеренно и аккуратно укладывала один кирпич на другой, строя склеп для нашей дружбы. И я ощущала всю тяжесть этих слов— кирпичей, всю

горечь и всю правду.

— Да, вполне возможно, я была не права, ведь людям свойственно ошибаться. Ты мне указала на мои недостатки, и я, как человек адекватный и зрелый, готова исправиться.

Мне хотелось, во что бы то ни стало вернуть ту прежнюю рыжую — бесстыжую, легкомысленную Аришку, наше доверие, и ради этого была готова пообещать что угодно, хоть спутник с неба.

Подруга покачала головой, печально, по— взрослому. Бледные, не накрашенные губы растянулись в мягкой, но насмешливой, снисходительной улыбке.

— Нет, Верка, ты не сможешь измениться. Мы такие, какими нас воспитали родители, мы то, что вложили в нас до четырёх лет.

Кафе наполнялось людьми. Уже почти все столики были заняты. Скрежет отодвигаемых стульев, стук ложек, чей— то смех, детское лепетание, тихие разговоры.

— И что теперь? — беспомощно взглянула я на подругу.

— А ничего, — Аришка пожалала плечами. — Мне надоело тебе подчиняться, надоело сидеть в твоей комнате и готовиться к очередному докладу о величии триумvirата и СГБ, слушать разглагольствования твоего отца, вязать с тобой и твоей матерью. Мне всего восемнадцать, я хочу танцевать, сидеть в кафе, встречаться с мальчиками. И со мной согласится весь класс, Вероника. Сама посуди, где бы ты не появилась, на какую бы вечеринку не пришла, праздник превра-

щается в пытку. У Дена на днюхе ты что вытворила? Выстроила нас в одну шеренгу, как на уроке физкультуры и прочла нам лекцию о чистоте языка и вреде сквернословия. Видите ли нашей умнице Краевской не понравилось, что Петька спел несколько матерных частушек. Тыфу! А у Светки? Вовка и Наташка спокойно целовались на балконе, никому не мешали. Но тебе, такой чистенькой и непорочной, пришлось это не по нутру. Помнишь, что ты учудила? С начала, отчитала их, как строгая тётушка, а потом, дабы и всем остальным не было повадно, заставила весь класс делать домашку. И мы сидели нарядные, за накрытым столом и учили уроки. Несколько лет подряд, мы с девчонками собирались у тебя, чтобы петь под рояль в компании твоих родителей. А нас, между прочим, пацаны в клубе ждали. Знаешь, Верка, поступи хоть раз по-человечески. Избавь нас от себя, дай повеселиться, побыть самими собой. Я говорю тебе всё это, так как больше сил нет молчать. В конце концов кто-то должен открыть тебе глаза. Сама ведь не додумаешься. Да, вы с папашей можете посадить меня, в нашей стране всех подряд сажают. Но дружба с тобой такая же тюрьма, такая же несвобода.

Тоска навалилась на плечи тяжёлым покрывалом. Аришка отдалялась стремительно, неумолимо. Невидимая стена между нами крепла. Нужно было что-то говорить, в чём-то убеждать. Но мысли юркими разноцветными червяками путались между собой, ускользали.

Внезапно тоска и отчаяние сменились ужасом. Затрепыхалось сердце, грозясь выскочить из грудной клетки. Всё вокруг казалось угрожающим и белый, слишком яркий свет за окном, и люди, больше напоминающие монстров. Почему я раньше не замечала, какие у них безобразные лица. Мерзкие звуки, отвратительные запахи кофе и выпечки. Они несут смерть. Здесь всё несёт смерть. Каждый стол, каждый стул, и эти светильники в форме раскрытых цветков. Какие острые углы у всего, что находится в этом кафе. Как легко они могут впиться в плоть, разорвать мышцы и сухожилия. Это место хочет убить меня, это ловушка. Бежать! Немедленно бежать!

Я взглянула на подругу, она уже мчалась к выходу, опрокидывая стулья, смахивая со столов посуду. Ревели дети, причитали мамыши, матерились мужчины. Какой-то старик обмочился прямо себе под ноги и застыв на одном месте, стоял и взирал на всё происходящее остекленевшим от ужаса, взглядом.

Вместе с несколькими людьми я тоже кинулась к двери. Небольшая давка, удар локтем в живот, чей-то плач. Пробкой вылетаю в коридор и мчусь по направлению к лифтам.

Чьи-то руки обхватывают меня, притягивают к твёрдой груди. Ладони скользят по спине, успокаивая, расслабляя. Чувствую знакомый запах морского бриза, грозы, хвои и полевых трав, слышу тихие слова.

– Всё, успокойся, с тобой ничего плохого не случится. Ты всего лишь испугалась.

Голова вновь стала ясной. Я тут же выбралась из объятий голубоглазого и отступила на два шага назад. Парень улыбался. Мне же стало неловко, будто бы это я сама бросилась к нему обниматься.

— Здравствуйте, — выдавила я из себя, чувствуя, как краска стыда расплзается по щекам, как растекается по шее. В глазах защипало.

А плитка на полу белая, ровная, с серыми вкраплениями. Туфли Михаила блестят так, что в них можно смотреться, словно в зеркало.

— Здравствуйте, Вероника.

Голос мягкий, но глубокий. Он завораживает, его хочется слушать и слушать. А как он ругается таким голосом? Может быть он и не орёт вовсе, а просто выговаривает, спокойно, внушительно.

— Как вы себя чувствуете? — он проговорил это так, будто бы ему не всё равно, будто бы действительно интересовался моим здоровьем.

— Хорошо, — ответила я. Кожа нестерпимо горела. Казалось, что быть краснее, чем я сейчас просто невозможно.

Психологи советуют:

«Чтобы избавиться от смущения и перестать краснеть, необходимо вспомнить что-то смешное. Если же это не помогло, попробуйте составить план на ближайшие несколько часов. Мысли об обыденных делах вернут вам душевное равновесие».

Вот только ничего смешного в голову не приходило, а дел у меня никаких не намечалось.

Я уж было хотела вежливо распрощаться и подняться в номер, чтобы поплакать в подушку, как Михаил произнёс:

– Ну, если ваше здоровье в порядке, предлагаю покататься на лыжах.

Странный тип. Ему что, пригласить некого? К чему ему девчонка, да ещё и не совсем красивая. Может, до него дошло, наконец, кто мой папа? Откажусь. Во–первых– я не люблю ни лыжи, ни коньки, ни санки. Во-вторых – с какой это радости я буду гулять с незнакомым парнем, гораздо старше меня. Мама и папа не одобряют подобной выходки. Да и о чём мне, школьнице с ним разговаривать?

– Спасибо, – ответила я. – Но мне сейчас не до этого. Я поссорилась с лучшей подругой, и у меня совсем не то настроение.

– Вот мы и поднимем ваше настроение.

Парень явно не собирался отступать. А вдруг он маньяк? Хотя, если бы он был маньяком, то воспользовался ситуацией ещё вчера, не тратя время на уговоры.

– Вы только не обижайтесь, – начала я как можно твёрже и решительнее. Если буду мяться и мямлить, он решит, что я набиваю себе цену или просто стесняюсь. – Юная девушка в компании взрослого мужчины будет смотреться как – то предрассудительно, не находите? Мы с вами едва знакомы, беседовать нам не о чем. Подругу вы мне заменить не смо-

жете, так что в прогулке, на которую вы меня зовёте. смысла не вижу.

Михаил склонил голову на бок, улыбка стала ещё шире, а в глазах заблестели смешинки. Да он же умиляется мной, как младенцем или беззащитным котёнком. Вот– вот погладит, почешет за ушком или начнёт сюсюкать дурацким голосом, каким обычно говорят с малышами.

Спина моя продолжала хранить тепло его прикосновений, будто бы большие горячие ладони синеглазого до сих пор прохаживались вдоль позвоночника.

– Вас останавливает только это? – Михаил взял меня под локоть, осторожно, мягко, словно опасаясь напугать, и повёл к лифтам. – Осуждающих взглядов со стороны отдыхающих бояться не стоит. Во– первых – здесь курорт, и каждый отдыхает так, как ему вздумается. Ну, а во– вторых – чем тебе могут навредить мысли незнакомых людей? Что касается нашего общения, поверьте мне, я человек разносторонний и могу быть довольно интересным собеседником.

В лицо мне вновь бросилась краска. Ну вот, обидела человека. А ведь он спас мне жизнь, могла бы и по вежливее отказать. Ведь этот парень– не Ожегов, сейчас уйдёт и всё. А мне не хочется, чтобы он уходил, по крайней мере прямо сейчас. Да и показаться в его глазах невоспитанной хамкой тоже не улыбается.

– Простите, – начала мямлить я, а уши и щёки пылали адским огнём, вот– вот задымятся. – Я не это имела в виду.

Просто мне будет тяжело поддержать беседу с таким взрослым человеком.

Михаил, наконец, рассмеялся. И мне, от чего— то показалось, что смех его напоминает далёкие раскаты грома. Рука мужчины легла мне на темя, потом опустилась на затылок.

— Да я не обижаюсь, Вероника.

Я застыла, затаила дыхание, чтобы не разрушить, не спугнуть то удивительное ощущение тепла, какой— то беспричинной светлой радости, лёгкости. Да что же это такое? Глупо я должно быть выгляжу, вся красная, с безумным блестящим взглядом и блаженной улыбкой от уха до уха.

— А про подругу я вообще ничего не понял, — Михаил продолжал, как ни в чём ни бывало. — Зачем кого— то кем— то заменять? Она это она, а я —это я. Ты приехала отдыхать, мне пришлось остановиться здесь по работе. У нас у обоих появилось свободное время, так почему бы его не потратить? Посмотри, какая чудесная погода, какой белый и пушистый снег, свежий воздух, пропитанный ароматами сосен. Разве не преступление оставаться в такой замечательный день в номере?

Мы вошли в лифт. Узкая железная коробка несла нас вверх, на гладкой панели высвечивались красные цифры. Второй этаж, третий, четвёртый...

А что я, собственно, теряю? В конце концов, на Аришке свет клином не сошёлся. Заняться мне всё равно не чем, не дружбу же нашу оплакивать, в самом деле? Погрустить я ещё

успею.

Родителей рядом нет, следовательно, осудить они меня не смогут, одноклассники, как выяснилось, меня терпеть не могут и только обрадуются тому, что я запрюсь в своей комнате. Ну уж нет, я приехала сюда отдыхать, а значит буду отдыхать. И пусть все эти Светки, Аришки и Алёнки лопнут от зависти, глядя на то, какого парня мне удалось подцепить.

Мой этаж шестой, а Михаилу нужно подниматься дальше. Мы договариваемся встретиться в холле возле стойки администратора, и Миша машет мне рукой. Серебристые створки лифта закрываются и отделяют нас друг от друга. Я спешу в свою комнату, чтобы переодеться.

Номер пуст. Аришка не вернётся, и я это знаю точно. Натягиваю на себя куртку, всовываю ноги в ботинки, приглаживаю волосы, чтобы надеть шапку. Не могу разобраться в своих чувствах. С одной стороны – мне лестно внимание такого взрослого парня. Взрослого и красивого. С другой стороны – это пугает и удивляет. Чем я могла его зацепить? Меня нельзя назвать красивой, сексуальной, даже милой. Я больше похожа на отрока – переростка, чем на девушку, перешагнувшую рубеж совершеннолетия. Ну да ладно! Насиловать посреди лыжной трассы он меня в любом случае не будет, а к нему в номер я не пойду, да и не звал он меня туда, если честно.

– А кем вы работаете? – спрашиваю я Михаила по пути к лыжным трассам. Ведь нужно же с чего – то начинать раз-

говор. А погода и впрямь стоит замечательная, тихая, безветренная. Воздух нежный, лёгкий. С неба падают ажурные, словно кружево, снежинки. Доверчиво садятся на плечи, на протянутую ладонь в перчатке. Белое на чёрном фоне, красиво. Я едва сдерживаю себя от того, чтобы высунуть язык и начать ловить снежинки ртом. Да уж, весёленькая будет картинка. Идёт молодая девушка рядом со взрослым красивым мужчиной с волевым лицом и широкой спиной. И вдруг эта девица высовывает язык... Вот, даже мысли у меня детские, глупые. Зря я согласилась пойти с этим парнем. Ну не получается у меня непринуждённо кокетничать с противоположным полом. Прочесть стихотворение или доклад на сцене – легко! Выступить в спектакле – пожалуйста. А вот болтать о ерунде и строить глазки – увольте. Я всегда осуждала других за это **умение**. Вот только теперь, кажется начала понимать, что оно гораздо важнее всех этих докладиков и лекций. Эх, была бы здесь Аришка. Она бы превратила нашу прогулку в настоящий праздник. И тема для разговора сразу нашлась, и неловкость испарилась. У нас всегда так происходило. Аришка начинала, закладывала первый камень, а дальше, как по маслу. Я тоже подключалась к разговору, и уже вела первую партию, вытеснив подругу. Но Аришки рядом нет. Так что же получается, без подруги я ничего собой не представляю?

– Я учёный, – ответил Михаил.

Вот только учёных мне не хватало. И о чём нам вести бе-

седу, если все мои знания ограничиваются школьной программой.

— И что же вы изучаете?

— Запахи.

— Что?! — меня действительно удивил его ответ.— А для чего вам это нужно? Кого могут заинтересовать ваши открытия?

Смех Михаила прозвучал так громко, что спугнул стайку небольших птичек, клюющих что— то на снегу.

— И об этом мне говорит молодая девушка?

Он поправил мне воротник, хотя я точно знала, что всё с моим воротником нормально. Просто жест заботы. Может, я на его младшую сестричку похожа?

— Ты же пользуешься духами. Вот объясни мне, для чего?

— Таким образом, каждая представительница женского пола хочет подчеркнуть свою индивидуальность. Да и любимый запах поднимает настроение.

— А ты говоришь, что запахи не могут заинтересовать, — рука Михаила легла мне на плечо. Тяжёлая, горячая. И вновь это ощущение радости, света, ожидания чуда.

— Я не так сказала. И разве мы уже перешли на «Ты»?

Я была раздосадована на свою реакцию. Мне пару раз улыбнулись, дотронулись, позвали гулять, и я уже таю. Не влюбилась же я в этого широкоплечего красавчика? Было бы глупо влюбиться в того, кого видишь второй раз. Что сказали бы мои родители?

– А почему бы не перейти?

Чёртики на дне пронзительно– синих глаз. А может он носит линзы, ведь не бывает у людей такой яркой радужки? Милые ямочки на щеках, растрёпанная русая чёлка. И не холодно ему без шапки?

– Кстати ты не правильно подобрала запах духов. Холодная, непроступная лилия – не твоё. Это не ты.

– А что моё? – злиться больше не хотелось. Послушать о духах было гораздо интереснее.

– Что-то с нотками арбуза, дыни или персика.

– Арбуз? – меня это действительно удивило. Я ожидала услышать упоминание о сирени, жасмине или зелёном чае, наконец.

– Совершенно верно. Этот запах тёплый, но свежий, нежный, и в то же время насыщенный. А лилия– всего лишь маска, за которой ты прячешь свою ранимость. Здесь много парфюмерных лавок, и мы с тобой обязательно что– то подберём.

Смущение накатило с новой силой. Тут же захотелось выдать какую -нибудь остроту, но как на зло в голову ничего не приходило. Но нужно было говорить, продолжать беседу.

– Духи, – фыркнула я. – И ваши изыскания пользуются спросом? Могут принести какую то пользу? Я не хочу вас обидеть, но ведь подбор духов в соответствии с характером человека – так не серьёзно. Какая разница, чем брызгаться, главное, чтобы потом не воняло. Я, конечно, душусь не для

этого, а вот у нас мальчик в школе есть...

Я чувствовала, что несу какую-то ахинею, что с каждым словом запутываюсь всё больше и больше, и наверное в глазах этого парня уже давно выгляжу невоспитанной дурой. Но меня несло, и остановиться, я была не в силах.

К моему удивлению и облегчению Михаил не стал смеяться или осуждать меня.

– Позволь с тобой не согласиться, -серьёзно произнёс он. – Ну во-первых не все мои труды посвящены духам, а во-вторых обоняние- самый древний, а значит и самый интересный и загадочный способ восприятия окружающей информации. С помощью тех или иных запахов можно влиять на эмоции человека, управлять ими, заставив радоваться или грустить, бояться или встревожиться. Запах камфары может вызвать беспричинную печаль, а аромат мандаринов наведет воспоминания о новогодних праздниках, а значит поднимет настроение. В умелых руках запах может превратиться в мощное психологическое оружие или эффективное лекарства. Кому что ближе. Я тебе больше скажу. Сами эмоции тоже пахнут. Только в процессе эволюции люди потеряли способность это ощущать. А вот животные и вампиры довольно неплохо распознают эмоциональное состояние, как друг друга, так и людей с помощью обоняния.

– А паника в кафе тоже произошла по вине какого-то запаха?

Как же это произошло. Небо опрокидывается вместе с за-

снежными верхушками сосен, я падаю в сугроб. Снег проседает под тяжестью моего тела, и я проваливаюсь. На меня насмешливо глядят глаза пронзительной синевы. Весёлое лицо склоняется надо мной, и я чувствую обжигающие прикосновения Мишиных губ. Поцелуи на щеках, носу, лбу, уголках рта. Я задыхаюсь от внезапно нахлынувшей радости, тону в аромате морского бриза, хвои и полевых трав. А в голове не остаётся ни единой мысли. Лишь одно единственное желание— чтобы никогда это не прекращалось. Сердце стучит набатом, гулко бьётся в ушах, и мучительно— приятно, незнакомо, но в то же время постыдно тянет вниз живота.

— Вставай! — командует он, не давая опомниться, помогает подняться и тянет туда, где разноцветной кучкой столпился народ на получение лыж.

Свист в ушах, ветер подгоняет в спину, мороз пощипывает щёки, захватывает дух от скорости. Я кричу, подняв лицо к белому, ровному, словно простынь, небу. Крупные снежинки падают на лицо, приклеиваются к ресницам. Мне хорошо и свободно. Мы с Мишей смеёмся и мой серебристый смех путается, сплетается, словно нить с его густым, бронзовым. И всё это длится ровно до тех пор, пока я не валюсь под гору в снег. Лыжи перекрещиваются, палки летят в неизвестном направлении, под воротник и шапку забивается снег. Становится неприятно, холодно и обидно.

Заботливые руки поднимают меня, стряхивают снег с куртки, подают палки. Миша смеётся, пытается убедить в

том, что вся прелесть зимних развлечений именно вот в таких падениях. Я с ним не соглашаюсь. Ругаю и снег, и лыжи, и простуду, которая обязательно нагрянет, ведь мои ботинки промокли.

В кафе было всё так же светло и шумно, будто бы несколько часов назад не переворачивались стулья, и не летела со столов, второпях сброшенная посуда, а толпа народа **не** прорывалась к выходу. Мне с одной стороны хотелось поговорить о недавнем происшествии, а с другой, я хорошо помнила чем обернулась моя попытка побеседовать на эту тему. Не то, чтобы мне не понравилось, скорее наоборот, просто теперь приходилось прятать глаза, что— то щебетать, любую глупость, лишь бы не возникло неловкой паузы, лишь бы небесного цвета цепкие глаза не смотрели так насмешливо, оценивающе и пристально. По этому я спросила совсем о другом.

— А в Эвилии чем ты занимаешься, тоже запахи изучаешь.

— Совершенно верно, — Михаил отпил из своей чашки. — Поверь, здесь есть что изучать.

— Ага, — ухмыльнулась я. — Чарующий дух тухлятины и сточных канализационных вод. По мне, так довольно сомнительное удовольствие.

— А вот этого, Вероника, не надо.

Лицо русоволосого бесшабашного парня стало строгим, брови сдвинулись на переносице. Я тут же отругала себя за то, что сморозила очередную глупость, продемонстрировала

своё **невежество**. Этот парень слишком взрослый для такой, как я. Скорее всего, он больше не захочет меня видеть. Зачем ему дурочка— малолетка, да ещё и плохо воспитанная? И грош цена моим школьным оценкам и достижением, если я обычную беседу поддержать не в состоянии.

— Ты никогда не задумывалась над тем, почему Эвилы оставили свой язык, а на международном говорят лишь с другими народами, но ни как ни между собой? — невозмутимо продолжал Михаил.

— Нет, не задумывалась, — я отрицательно покачала головой. — Какое мне дело до разумных грибов, лебезящих и перед нами и перед нашими врагами— вампирами?

— Они не лебезят, что за детские выводы? Ты же взрослая девочка. Эвилы поддерживают торговые отношения между странами. Для чего им ввязываться в «Кровавый» конфликт, ведь их интересы ни одна ни другая враждующая сторона не ущемляет? Но мы отвлеклись. Ты же меня о запахах спрашивала. Ну так вот, международный язык для них слишком примитивен. Он не может передать всю информацию, требуемую нашим разумным друзьям. Ведь они общаются друг с другом не только с помощью извлекаемых звуков, но и с помощью запахов. И да, тут я соглашусь с тобой, довольно специфических запахов.

Миша допил свой чай, а затем подмигнув мне, озорно, похулигански произнёс:

— Ну до вечера, я зайду за тобой, будь готова к шести. На-

учу тебя на коньках кататься.

И не дожидаясь моего согласия или несогласия, исчез.

Придя в номер, я проверила входящие сообщения на своём мобильном. Ни одного звонка от Аришки, ни одного любовного признания от Ожегова. Плохой знак. Власть над классом утекала, как песок сквозь пальцы. Зато высветилось несколько сообщений от мамы. Пришлось перезванивать и лгать о своём чудесном настроении, о том, как катаемся с Аришкой на лыжах, как собираемся с классом на каток. О знакомстве с Мишей я, конечно же, благоразумно умолчала. Зачем пугать маму? В каждом парне она видела потенциальную угрозу моему целомудрию и довольно часто твердила, что мужчинам нужно только одно. Порой мне казалось, что мои высоконравственные родители вылепили меня из пластилина или купили в магазине, и никакого физиологического процесса между ними не возникало и в помине.

А вечером за мной зашёл Миша, и мы отправились на каток, где мой новый знакомый пробовал учить меня стоять на коньках. Но с коньками у меня отношения сложились ещё хуже, чем с лыжами. Я кричала, хватаясь за Мишину куртку, боясь упасть. Наконец, Михаил признал, что я совершенно не обучаема, и мы **пошли** гулять по заснеженным аллеям, вдоль косматых седовласых строгих сосен.

Глава 6

– Там не слишком холодно? – голос мамы звучал встревожено. – Говорят в Эвилии стоят сейчас сильные морозы.

Ох, бедная моя наивная мамочка! Она боится, что я замёрзну, хотя есть иные, более серьёзные причины для волнения. Например, моя тяга к широкоплечему русоволосому парню, гораздо старше меня. В чьём присутствии все мои сомнения, проблемы и дурные мысли улетучивались, растворялись в ярких эмоциях и впечатлениях. А вечерами, когда мы распрощавшись расходились по своим номерам, я грезила о новой встрече, ждала наступления следующего дня и надеялась на то, что он поцелует меня, как тогда, в первый день нашего знакомства. Я жаждала его прикосновений, тепла его кожи. От картин, что представляла я перед сном, становилось и стыдно, и жарко, и сладко, до шума в ушах, до головокружения, до томительного тянущего чувства в животе. О школе, о том, что как-то нужно будет налаживать отношения с одноклассниками и Аришкой, о предстоящей разлуке с Мишей думать не хотелось. Лишь порой накатывала обида, дурацкая, детская, на синеглазого хулигана за то, что прошло уже четыре дня, каникулы близятся к своему завершению, а он больше ни разу даже попытки не сделал, чтобы меня поцеловать. И не так торопливо, как в прошлый раз, а по-настоящему. А если вдруг он захочет пойти дальше? Пусть! Мы уже взрослые люди, имеем право.

– Чем займёшься сегодня ? -маме пришлось повторить вопрос, так, как мысли мои были уже далеко и от этой комнаты, и от мамы.

– Буду участвовать в гонках на ледодисках.

– А что это?

– Чисто Эвильское изобретение. Такой диск, который управляется взмахом руки. Вытягиваешь руку вперёд, и диск скользит по льду, трясёшь рукой– диск скользит быстрее. Поднимаешь руку вверх– диск взлетает в гору, опускаешь вниз и съезжаешь с горы.

– Но ведь нужны тренировки, чтобы уметь правильно управлять. Разве не так? А ты никогда этим не занималась. Вероника, это опасно. Даже не смей! Я всё расскажу отцу!

Трубка верещала так пронзительно, что пришлось отвести её от уха. Мама в своём репертуаре. Наверняка уже представила меня на больничной койке, а себя плачущей у моего изголовья. Её тревога, как это всегда и бывало, передавалась мне. Но я тут же отогнала дурные мысли. Михаилу не верить просто невозможно. Это не мямля– Ожегов и не пустомеля– Денис. Миша серьёзный, ответственный человек, и он не станет подвергать мою жизнь опасности.

– Да не волнуйся ты, – маму нужно было срочно успокоить, иначе накрутит себя до нервного срыва, да ещё и отца заставит вмешаться. – Я же не одна буду. С нами инструкторы поедут.

– А Новогоднюю ночь где проведёшь? – мама успокоилась. – Что планируете с Аришкой?

– Соберёмся с девчонками у меня в номере, послушаем через Интернет поздравление триумвирата, потом погадаем.

Как же всё – таки тяжело лгать родителям, особенно если

ты никогда этого не делал. И вот уже начинает казаться, что тебе не верят, что в голосе мамы звучит скрытая обида, и грусть, и разочарование.

– Жаль, что в гостинице нет рояля, -вздохнула мама. – Помнишь, как вы с девочками пели в прошлую новогоднюю ночь? Ты была такой красивой в своём бежевом платье за роялем...

Да, я была тогда очень красивой и очень счастливой. Пышные платья девчонок, дрожащие огоньки свечей. Гостиная утопает в тёплом волшебном свете, а мы поём романсы старого мира. И я сама себе кажусь героиней старомирской книги, когда люди не знали машин и ездили на лошадях, когда вместо электричества использовали живой огонь. Когда нашим домом, если верить писателям и историкам, была чудесная планета под странным названием Земля.

Я наслаждалась этим вечером, спокойствием и умиротворением. Мне тогда и в голову не могло прийти, что девочки откровенно скучают и тихо ненавидят меня, что мечтают сбежать из уютной гостиной моего дома, чтобы встретиться с парнями. Мне лгали, мне льстили, а за спиной смеялись.

– Да, мам, – поспешила я завершить разговор, так как в дверь деликатно постучали. – Но мы обязательно что-то придумаем. Ну ладно, мне уже пора. Целую тебя и папу. Пока.

Ревели трибуны. Блестели ледяные трассы.

– Соревнование по скольжению на ледодисках объявляю открытым! Итак делайте ваши ставки!

Ведущий, на роль которого, выбрали какого— то Эвила скрежетал и лязгал в рупор. И этот скрежет показался мне зловещим. В голову вновь полезли непрошенные мысли: «А вдруг разобьёмся? А вдруг нам попадётся неисправный диск? А вдруг Миша не справится с управлением?»

— Не бойся, — шепнул мне мой спутник. Его горячее дыхание защекотало моё ухо, и от того сладко заныло в груди и в области солнечного сплетения. — Мы будем первыми.

Властитель вселенной, да что же это творится со мной? Ради того, чтобы стоять с ним на одном диске, ощущать на своей талии Мишину руку, чувствовать, как он дышит мне в макушку, я готова рискнуть жизнью и согласиться на эту авантюру?

— Участник номер один —гражданин Человеческого государства Денис Журавлёв со своей спутницей Светланой!— рявкнул ведущий.

Трибуны завyli и зааплодировали, приветствуя Дена.

Парочка встала на диск, ярко-жёлтого цвета. Парень нежно обнял белобрысую куклу, а та, самодовольно метнула на меня взгляд, полный превосходства. Думает, что я сейчас умру от зависти? Нет уж, не дождётся. Куда её Дениске, трусу и предателю до моего Михаила?

— Второй участник— гражданин Эвилии со своей спутницей, гражданкой Человеческого государства — Ариной Соколовой!

И вновь крики и аплодисменты.

Да уж, не задохнуться бы Аришке с таким спутником. Вот только, если Эвил встал на лёд, сразу ясно, кто победитель. А Денис то, каков! К чему тогда все эти признания в тамбуре? Тоже хотел поступить в институт, благодаря связям моего отца? Поступить и тайно встречаться со Светкой. А я дура уши развесила. Два дня, словно на крыльях летала.

– Четвёртый участник – гражданин Человеческого государства Ожегов Алексей со своей спутницей Алёной!

Ожегов и Алёна? Они встречаются или просто... А почему нас не объявляют. Мы, кажется третьи? И от чего Аришка так косится на меня, словно на её глазах из могилы поднялся мертвец? Что в её взгляде? Отвращение? Страх? Удивление, граничащее с жалостью. Да и Светка побледнела, прячет глаза, жмётся к Денису. Денис что-то шепчет ей на ухо, гладит по льняным кудряшкам, и глаза его полны дикого ужаса, гадливости.

Не думать! Не обращать внимания! У меня каникулы, а значит буду отдыхать. Вот вернёмся домой, тогда и разберёмся.

– А нас когда объявят? – спросила я Мишу, чтобы показать своим друзьям, что мне плевать на их переглядки и гримасы.

Миша улыбнулся, как мне показалось, облегчённо, словно ожидал чего-то крайне неприятного, но неприятность прошла стороной.

– Так объявили уже, сейчас рванём.

Словно услышав наш разговор, ведущий крикнул:
—Внимание, марш!

Наш диск вырывается вперёд так стремительно, что я захлёбываюсь воздухом. Одно мгновение, и ревущие трибуны, крикливый ведущий и соперники остаются далеко позади. Теперь мы пролетаем мимо заснеженных сосен, покрытых вечным саваном, полей, на белом пространстве которых, извилистыми зелёными змеями выделяются трубы -Эвильские жилища. Мороз обжигает нос и щёки, от ветра слезятся глаза.

Головокружительные повороты, крутые подъёмы и опасные, захватывающие дух, спуски, похожие на падения. Наш диск подскакивает, какое— то время летит над поверхностью льда. Потом вновь опускается и скользит. Ветер ослепляет и оглушает. Я кричу от страха и восторга, но не слышу своего голоса, зато отчётливо слышу смех Миши. Он, этот смех несётся над трассой, словно раскат грома. Грудь Миши тверда и горяча, это чувствуется даже через одежду. И как приятно прижиматься к ней спиной. Одной рукой он управляет диском, а второй крепко держит меня за талию. Я чувствую тепло его большой ладони, и хочу впитать его всем телом. Сладкая пытка на сумасшедшей скорости. Сосны по одну и по другую сторону трасс сливаются в сплошную серую полосу. А мы всё летим и летим, пока диск не сворачивает с трассы, и не выбрасывает нас в сугроб, словно мусор из ведра.

Снег забивается под воротник, залепляет глаза и уши. Я

беспомощно барахтаюсь, в попытке выбраться из сугроба, но белая холодная масса проваливается подо мной, и я погружаюсь всё глубже.

Михаил вызволяет меня из холодной ловушки, смахивает налипший снег, не прекращая смеяться.

– Чем именно вызван ваш смех? – рывкнула я, отдышавшись.

Дыхание Миши было ровным, глаза, в отличие от меня, не слезились. Словно я одна влетела в сугроб на бешеной скорости, а он стоял здесь и спокойно дожидался меня.

– Твоим внешним видом, – парень продолжал улыбаться, а в голубых озёрах его глаз резвились чёртики. – Ты такая забавная и трогательная.

– А ты такой самоуверенный и безответственный, – парировала я. – Мы же могли убиться, неужели непонятно? А ещё, мы проиграли.

Откровенно говоря, меня последний факт не слишком то волновал. Но уж если вступил в соревнование, то нужно хотя бы попытаться победить. Да и Светке с Денисом хотелось утереть носы.

– Со мной ты в полной безопасности, и мы не проиграем, – Миша стряхнул остатки снега с моего воротника, и случайно, а может, и не совсем случайно, коснулся оголённого участка шеи, от чего по коже побежали мелкие мурашки. – Перед тобой чемпион по ледодискам.

– У тебя слишком завышена самооценка, тебе не говори-

ли? – мне уже не хотелось ругаться. Ну как тут можно злиться, когда всё тело ноет, ожидая следующего прикосновения, когда голова кружиться от такого знакомого, заставляющего бежать кровь по венам быстрее, запаха? Влюбилась! Вот как, оказывается, это бывает! Как шторм, как лавина. Ярко, неукротимо, бурно. Куда там лёгкой симпатии к Денису? Да и чувство к нему, скорее всего, я сама себе и выдумала. Просто красивый мальчик, даже не красивый, а хорошенький, один из многих.

– Ты первая, – с этими словами Михаил подхватил меня, легко, словно пушинку, и принялся кружить.

Я, конечно же, завизжала, распугивая огромных чёрных птиц, облепивших ветви деревьев.

– Никогда и ничего не бойся со мной, слышишь? – кричал Михаил, стараясь прорваться к моему сознанию, сквозь вопли, что я издавала.

Затем кружение прекратилось, и меня прижали к груди. Я млела, застыв в крепком кольце рук, закрыв глаза, боясь вдохнуть, спугнуть этот чудесный момент. Одежда, неудобная, тяжёлая, казалась лишней. Как же хотелось сорвать её с себя, чтобы ощутить этого человека полностью, без помех и преград.

– Ненавижу зиму, – прошептала я, качаясь на волнах удовольствия, дурея от такой внезапной близости.

– А лето любишь? – Миша гладил меня по голове, по спине, зарывался пальцами в растрёпанные волосы.

– Лето люблю, – ответили за меня мои губы, я же сама прибывала в дурмане блаженства.

– Значит, будет лето, – с этими словами Миша поставил меня на землю, и сразу стало холодно и пусто.

– Идём, – сказал он, поворачиваясь ко мне спиной. – Здесь неподалёку есть домик, попьём чаю, погреемся, за одно познакомлю тебя со своими друзьями.

Я зашагала следом. Ни с какими друзьями знакомиться не хотелось. Кто знает, как они ко мне отнесутся, вдруг решат, что я слишком юна для их взрослого друга?

– Ты была на море когда–нибудь? – спросил Миша.

Почему – то, в его голосе послышалось напряжение, будто от моего ответа зависело что-то важное. Да и от нежности не осталось и следа.

– В раннем детстве с родителями, – ответила я. – Мы ездили в Синеморск. Я ничего из этой поездки не помню. Кроме того, как сидела на берегу, играла с камнями, а на меня надвигалась волна. Больше мы к морю не ездили, папа не любит его запах и жаркий климат.

– А ты смогла бы жить рядом с морем? – Миша обернулся ко мне. Губы его растянулись в улыбке, бесшабашной, привычной, мальчишеской, но вот глаза смотрели серьёзно, напряжённо.

– Конечно! – воскликнула я. – Спрашиваешь! Вот только нам кроме Синеморска и Бирюзовых долин ничего не осталось после войны. Ну да ладно, когда -нибудь, человечество

уничтожит проклятых вампиров, и острова станут нашими.

Я ожидала, что Миша поддержит меня, оценит мой патриотизм. Какого же было моё удивление, когда огромная ладонь легла мне на плечо, сжав его с такой силой, что даже слои одежды не защитили от боли. Глаза превратились в колючие осколки льда. И показалось, что в них сконцентрировался весь холод Эвилиии. Миша смотрел внимательно, жёстко, даже враждебно.

– Эти острова изначально являлись землями вампиров. Там их храмы, их связь со стихиями.

– Ты защищаешь наших врагов? – прошептала я в недоумении. – Тех, с которыми воевали наши предки, тех, кто пил человеческую кровь?

Миша отпустил моё плечо и отвернувшись зашагал впереёд, показывая всем своим видом, что разговор ему не приятен.

– Прошло сто лет. Людей больше никто не трогает. Никто не требует их крови, не делает своими источниками. Так почему люди продолжают ненавидеть вампиров?

Миша шагал быстро, я едва успевала за ним.

– Мы не должны терять бдительность. Только помня о коварстве врага, мы не допустим его вторжения.

Глядя в широкую спину, в чёрной кожаной куртке, говорить было намного проще. И я вещала отрывками из когда-то подготовленных докладов. А снег укоризненно скрипел под ногами, словно намекая, что я говорю не то.

– Ничего иного я и не ожидал от дочки третьего секретаря, прилежной ученицы, слепо верящей учебникам.

Усмешка Михаила обидела до слёз. В глазах и носу противно защипало. Осталось только разреветься.

– Причём тут учебники? – в голосе уже звенели слёзы. – Это и моё мнение тоже. Извини, пожалуйста, что оно не совпадает с твоим. Но поверь, так бывает, сколько людей, столько и точек зрения.

По щекам уже текли горячие дорожки. Миша, такой милый, такой внимательный Миша, говорит гадости, и при этом считает меня глупенькой маленькой девочкой. Обидно!

– Но ведь это не твоё мнение, Вероника.

Мой спутник остановился, взял меня под руку и повёл вперёд.

– Это навязанные всем с детства догмы, с помощью которых триумвират и СГБ управляет людьми. Очень удобно удерживать свою власть запугивая народ страшным врагом, который в любую минуту может напасть.

– Терпите, – говорят они с экранов телевизоров. – Уж лучше грязь и болезни, нищета и голод, чем возвращение вампиров, которые будут пить вашу кровь, забирать ваших детей, делая их своими источниками. Вы не смотрите, что мы разъезжаем на дорогих машинах, едим в ресторанах и строим особняки. Ведь мы, власть имущие, это заслужили. Мы охраняем вас от мерзких кровососов.

Да, была война. Да, вампиры были изгнаны и ушли на ост-

рова к своим храмам. Они пытаются жить без людей, хотя им очень трудно. Но люди не могут успокоиться. Продолжают растить своих детей в ненависти к хозяевам этой планеты, строят планы по уничтожению гадких тварей.

Я машинально переставляла ноги, открыв рот в немом изумлении. В голове не укладывалось всё, что мне говорил Михаил. Мой мир рушился.

– Согласись, жизнь сейчас гораздо лучше, чем была сто лет назад, – проговорила я. Хотелось произнести эти слова более убедительно, но получилось вяло, неуверенно.

– А откуда ты знаешь, как оно было сто лет назад? Из всё тех же лживых учебников? Вероника, пойми, любая война, любая межрасовая вражда выгодна не мне, не тебе, не учителю математике и не соседу – алкоголику. Она нужна правительству. И если сто лет назад народ воевал, не желая делиться своей кровью, то сейчас почему ненавидит вампиров? Я бы тебе посоветовал больше приглядываться к людям, вслушиваться в их разговоры, а не вещать лишь о том, что интересует лично тебя. Взгляни на некоторых своих одноклассников, можешь даже в гости напроситься. И тогда ты поймёшь, что не всё так безоблачно, как пишут в книжках, кричат с экранов телевизоров и утверждает твой отец.

Дальнейший путь мы проделали молча. Спорить не хотелось, да и что я, школьница, могла противопоставить взрослому мужчине?

Потемневшая от старости избушка с мутными оконцами

выросла перед нами внезапно. Дверь нам открыла тоненькая черноволосая девушка с миндалевидными глазами, тёмными и глубокими, словно колодцы. Её улыбка доброй мне отнюдь не показалась. И я сразу же поняла, что мне эта красавица не рада.

– Входите, – сухо проговорила она, пропуская нас внутрь.

В избёнке было тепло, пахло деревом, травами и пылью. За столом на лавке сидел парень с красной копной волос, не уступающий Мише ни в росте ни в ширине плеч, и самозабвенно прихлёбывал чай из деревянной кружки.

– А где ещё двое? – спросил Миша.

На дружескую встречу это собрание никак не походило. Больше напоминало сходку разбойников, замышляющих нечто незаконное. А может так оно и есть? Что, собственно, я знаю о Мише? Да ничего! Только то, что он рассказал мне о себе сам.

– На охоту ушли, – лениво ответил красноволосый. – Знаешь ли, профессор, у нас здесь нет ванны. Какая связь между приёмом ванны и добычей пропитания, для меня осталось загадкой.

Тем временем девушка выставила на стол огромный самовар, кружки и тарелку с печеньем.

Я залюбовалась ею, не тарелкой, разумеется, а девушкой. Её плавными, почти кошачьими движениями, её точёной фигурой, аккуратной грудью, стройными длинными ногами. По сравнению с ней, я была гадким утёнком, растрёпанным,

серым воробушком. Мне тут же стало совестно за свою лохматую после гонок и падения в сугроб голову, мокрые ноги и обкусанные ногти, не знавшие маникюра. Ведь маникюр и макияж — излишества, настоящая красота должна быть внутри. Так говорил мне отец, и я соглашалась с ним. А теперь мне внезапно захотелось быть красивой. Чтобы

Миша смотрел только на меня, думал только обо мне.

— Может, представишь нас своей очаровательной спутнице? — спросил красный, когда мы сели за стол.

Если же он и желал познакомиться, то это желание выглядело довольно вялым. Да и правильно. Зачем ему знакомство со мной, что он, мышей не видел?

— Вероника, — обратился ко мне Михаил. — Знакомься, это Анна и Игорь.

Игорь прыснул, зажимая рот рукой, а девушка закатила глаза. Их реакция показалась мне довольно странной. Да и вели они себя так, будто бы наш визит им неприятен, или отвлёк от важного дела.

— А вы коллеги Миши? Тоже учёные? — спросила я, чтобы не молчать.

— Нет, куда уж нам? — широко улыбнулся Игорь. — Мы так, подай, принеси. Обслуживающий персонал.

Анна расхохоталась глубоким, грудным смехом. И от чего — то её смех напомнил мне рыхлый чернозём, такой же мягкий и тёплый.

Чай обжигал горло, запах трав пьянил. По телу растека-

лось приятное, расслабляющее тепло. Уютно потрескивали дрова в печи, и меня слегка клонило в сон.

– Ты полагаешь, что этот экземпляр может быть тебе полезен? – спрашивал Игорь. – А тебя не смущают посторонние примеси в биологической жидкости?

– Примеси исчезнут меньше чем через месяц, и объект будет готов к использованию, – вмешалась Анна. – Только, осмелюсь напомнить, коллега, что работа с подобными объектами не наш профиль. Мы больше специализируемся транспортировкой техники и древесины из Эвилии. Не лучше бы тебе обратиться к команде рыжеволосого министра.

– Ты смеёшься, – Миша недобро усмехнулся. – Ты знаешь, сколько стоят их услуги? Мне легче заплатить вам.

Потом заговорили о Эвильской древесине, о её стоимости на рынке и трудностях перевозки. Об отсутствии нормальных условий труда, нехватке пищи. Миша сетовал на то, что, живя в гостинице, ему приходится голодать. Странно, он мне истощённым вовсе не казался. Да и в кафе кухня была довольно сносной. Оказывается, ему приходится давиться какими-то брикетами, а это такая же пакость, что и супы быстрого приготовления, когда настоящие продукты, пытаются заменить химическими аналогами.

Воспользовавшись увлечённостью парней разговором, я обратилась к Анне, с просьбой показать мне туалет.

–Идём, – скомандовала девушка, и едва дождавшись, пока я накину куртку и влзу в сапоги, выволокла меня во двор.

Сама же она одеваться не стала и вышла в коротеньком платье.

– Ты не замёрзнешь? – спросила я, следуя, за уверенно идущей, девушкой.

Девчонка презрительно пожала плечами, будто бы я произнесла редчайшую глупость.

Наконец мы подошли к кривобокому деревянному строению, посеревшему от старости и непогоды. Но Анна оставлять меня не собиралась.

– Ты готова остаться с ним навсегда? – спросила она в тот момент, когда я уже потянула на себя скрипучую дверь туалета.

– С кем? – спросила я, понимая, насколько глупо звучит мой вопрос. Ну, понятно же, что она говорит о Мише, а не об этом великолепном шедевре архитектуры, куда я сейчас так стремлюсь войти.

Омуты её чёрных глаз засасывали, тянули вниз. И было жутко смотреть в них, но отвернуться не получалось. Два глубоких колодца не отпускали, заставляя погружаться, падать всё ниже и ниже.

– Ты хочешь остаться с ним, Вероника? – вновь прозвучал её вопрос, откуда – то из самой глубины, из самых недр земли.

– Да, – прошептала я. – Хочу.

– Ты выбрала свой путь. Не сходи с него, даже если вдруг он покажется тебе не верным. Слушай своё сердце.

Ветер швырнул мне в лицо горсть снега. Я открыла глаза и поняла, что стою совершенно одна, прислонившись к двери туалета. А надо мной, скрипит, качаясь сухое чёрное дерево. И что это было? Мои галлюцинации? Колдовство? Решив не нагружать свой мозг вопросами, на которые в всё равно не смогу найти ответов, я открыла дверь и вошла в тёмное помещение с дыркой в полу.

Прощание с друзьями Михаила вышло каким-то скомканным, словно они договорились о чём-то, но остались недовольны друг другом. Анна смотрела с жалостью, будто бы меня ожидало нечто неприятное, Игорь же поглядывал с изучающим любопытством, как на подопытную зверушку. И я была рада покинуть это странное место и не менее странных людей.

Мы вернулись к нашей трассе. Диск лежал на снегу жёлтым пятном, ожидая нас.

И вновь свист ветра, захватывающие дух повороты, мой визг и смех Михаила, словно не было ни падения, ни дурацкого спора о вампирах, по вине которого мы чуть было не поссорились, ни избушки в лесу, ни чёрных глаз Анны.

Как ни странно, а к финишу мы пришли первыми. Михаилу вручили грамоту и кубок, мне же —большого мягкого ли-са на ледодиске. Денис же со Светкой прибыли последними. Так им и надо.

Глава 7

Я ждала. Стрелки часов лениво приближались к двена-

дцати. В дверь моего номера так никто и не постучал, никто не позвонил на мобильный, не прислал сообщения. От чего-то мне казалось, что в новогоднюю ночь всё исправится. Перед боем курантов в комнату, рыжим пламенем, ворвётся неугомонная Аришка. Как всегда шумная, бесцеремонная. Она повиснет на моей шее, рискуя задушить, завизжит прямо в ухо **поздравления с Новым годом**, и протянет яркую коробочку, украшенную бантом. А дальше, пусть произойдёт что угодно. Мы можем встретить Новый год вдвоём, можем присоединиться к шумной компании одноклассников, можем даже в клуб пойти. Но телефон молчал, а дверь по прежнему оставалось закрытой. В окно глядело морозное звёздное небо, в коридоре затихли шаги. Постояльцы гостинице ждут главного праздника человечества, кто-то собрался в номере. большой или не очень, компанией, кто-то отправился в клуб. Лишь я осталась одна. Я просижу в комнате до следующего утра, буду вздрагивать, слышав шуршание обуви по ковру, с надеждой поглядывать на дисплей своего телефона, всё отчётливее понимая, что никто не придёт. А утром позвонят родители, и мне придётся врать, сочинять на ходу весёлую историю, стараясь не разреветься.

Скорее всего, я задремала, так как стук в дверь показался мне слишком громким и страшным. Аришка! Наконец-то! Ну, держись, рыжая бестия, моё прощение стоит дорого! Подожду немного, пусть не думает, что целыми днями сижу в номере и жду её прихода. Стук повторился. Но я открывать

не спешила. По ту сторону двери опустилось нечто тяжёлое. Подарок? Я люблю подарки! Нет, всё же, моё любопытство сильнее меня. Больше тянуть не могу! Соскочив с кровати, на которой лежала, я бросилась открывать дверь.

— А это ты, — протянула я, увидев на пороге Михаила, уже не успевая замаскировать своего разочарования вежливой улыбкой.

От обиды на глаза навернулись слёзы. Именно сейчас, в эту самую минуту, глядя на широкоплечего парня в серебристой рубашке, на большую корзину, с торчащим горлышком бутылки, на ёлку, прислонённую к стене, источающую густой хвойный аромат, я поняла, насколько хрупки наши отношения. Миша как пришёл, так и уйдёт, в свою жизнь, к своим заботам. А я останусь одна. Ссора с Аришкой образовала в душе пустоту, которую легко заполнил Миша. Появился во время, скрасил мне пребывание в Эвили, смешил, развлекал, дразнил несбыточными надеждами. А что будет, когда Миша исчезнет? Ох, лучше бы он вообще не появлялся!

— Ожидала кого-то другого? — улыбка Михаила показалась мне грустной. — Ты не говорила, что у тебя есть парень.

— Нет у меня никого, — буркнула я, позволяя Мише пройти в комнату. —

Просто думала, что сегодня помирюсь с подругой, а она не пришла.

Стало себя жаль. Так жаль, что я уже не стесняюсь присутствия парня, уселась на кровать и разревелась.

– Ну что ты, Верочка, – зашептал мне Миша в самое ухо. – Ну хочешь, ходим к ней, поздравим с праздником, подарок вручим.

Его дыхание было горячим, крепкие, но такие ласковые руки обнимали за плечи, путешествовали по спине, от шей, вдоль позвоночника, едва не опускаясь ниже.

– Ты не понимаешь, – проговорила я, с трудом проталкивая противный **ком**, поселившийся в горле. – Мы с ней с пятого класса дружили. Как-то мы с ней с уроков сбежали, пошли в парк, купили мороженное. А в парке безлюдно было. И тут у меня начался приступ. Арина сразу же скорую вызвала, к нам выезжать не хотели, думали дети балуются. Но Арина принялась угрожать, назвала фамилию моего отца. Приехала скорая, в больницу меня повезла, Арина со мной поехала, всё время рядом находилась, пока мать не примчалась. А потом каждый день меня в больнице навещала. И вдруг недавно, она мне признаётся, что всё было ложью. Что она использовала меня, чтобы поступить в институт. Но больше не в силах лгать.

– Твоя подруга правильно поступила.

Мишины пальцы перебирали мои волосы, а я сидела рядом, положив голову ему на плечо. Как тепло, как уютно и как спокойно. Я затаила дыхание, чтобы не спугнуть момент, чтобы просидеть с ним вот так, как можно дольше. Глупая! И чего я так огорчилась его приходу? Да, наше расставание неизбежно, но ведь этот вечер мой и только мой. Он оста-

нется в памяти, и я буду вспоминать его, прокручивать, воссоздавать мелочи.

А Михаил тем временем продолжал:

– Она поняла, что сама справиться с трудностями, почувствовала себя сильной настолько, чтобы отказаться от тяготящих отношений. Отнесись с уважением и пониманием к её решению, и научись жить без неё. Это гораздо легче, чем тебе кажется. У вас разные дороги, пожелай этой смелой девочке доброго пути, и иди дальше, не оборачиваясь и не жалея.

– Страшно, – призналась я, не замечая, как уже сама обнимаю Мишу, стараюсь впитать тепло его тела, окунуться в, такой привычный запах, забываясь и растворяясь. – Страшно осознавать себя ненужной. От этого жизнь начинает казаться блеклой и бесполезной.

– Но ведь у тебя есть я. Ты нужна мне, разве этого мало?

– Мы разведемся по своим городам и забудем друг о друге.

– Хочешь остаться со мной навсегда?

Горячие, обжигающие, но такие нежные, такие осторожные губы везде, на шее, лице, в вырезе декольте. Теперь я лежу на спине, а Мишино лицо склоняется, в глазах цвет индиго загорается огонь, пока уютный, мягкий. Но я, от чего-то, знаю, что эта мягкость обманчива. Ещё немного и вспыхнет пламя, сметающее всё на своём пути, не ведающее преград.

Я подалась к нему, потянулась, требуя больше прикосно-

вений, больше жара, предлагая себя всю, без остатка. Мои ладони расстегивают пуговицы его рубашки, скользят по разгорячённой, удивительно— гладкой коже...

— Нет, — прошептал Михаил, отстраняясь. — Ещё рано. Не здесь.

Лицо Михаила исказилось гримасой боли, щека нервно дёрнулась, сжались челюсти.

Он отошёл, и мне тут же стало холодно и пусто, а ещё и стыдно. Да что это такое на меня нашло? Предложила ему себя, как последняя подзаборная девка. Что скажет папа, если узнает?

Щёки мои пылали, в ушах стучало, хотелось провалиться сквозь землю. А Миша спокойно расставлял **тарелки** со всевозможной снедью, наливал вино в высокие фужеры.

— Ты бы хоть ёлку нарядила, — кинул он мне через плечо. Скоро полночь, а у нас ещё конь не валялся.

Я нехотя поплелась к коробке с разноцветными шариками. Ничего так не отвлекает, как работа. Шарик красный, шарик жёлтый, шарик оранжевый. Ну и что это сейчас было? Сам же с поцелуями набросился, а потом оттолкнул. Ему стало противно или зуб разболелся? А может быть, я сделала что-то не так?

— Обиделась? — Михаил улыбнулся, так светло, так задорно, что неловкость мелкими шажками начала отступать.

— Нет, — ответила я, вешая очередной шар на еловую ветку. — Просто не поняла, что сейчас было. Я думала, ты то-

же хочешь. И теперь, мне ужасно стыдно за свою распущенность. Я чувствую себя грязной шлюхой, бросающейся на первого встречного.

– Не смей говорить такого о себе, малыш. Разве то, что нас тянет друг к другу – грязь? Да, мы знакомы с тобой всего несколько дней, но почему это должно мешать развитию наших отношений?

Миша подошёл сзади, заключил в кольцо своих рук, легко поцеловал в лоб, потом в шею.

– Но ведь ты оттолкнул меня.

– Не оттолкнул, а дал тебе ещё немного времени. Если бы у нас всё произошло здесь, в этот час, вот на этой кровати, ты бы, очнувшись и поняв, что произошло, принялась себя терзать, называя разными скверными словами. Ведь так?

Хорошо зная собственную натуру, я кивнула.

– А я бы и вовсе стал для тебя персоной нон-грата.

В широкой груди гулко билось сердце, такое же большое и сильное, как и сам этот человек. И я поймала себя на том, что рядом с ним хочется казаться и слабой, и маленькой и беззащитной, ведь это так естественно.

– У нас всё произойдёт под шум прибоя и крики чаек. Над нами будут вспыхивать мириады звёзд, и тёплый южный ветер касаться наших тел.

– Странные мечты, – фыркнула я, выбираясь из объятий. – Тебя пугает то, что я школьница, да ещё и дочь третьего секретаря, вот и всё.

Миша расхохотался и ещё крепче прижал меня к себе, не давая вырваться.

– Мне плевать, чья ты дочь, Верка! Глупая, как тебе это в голову пришло? А море и чайки – это не мечты, а моя родина. Ты поедешь со мной к морю?

Сердце моё ликовало, оно рвалось, трепыхалось, словно пойманная в силки птица. Ох уж это неугомонное сердце! Ему хотелось любви, новых впечатлений. Разве ли не счастье, замирать от прикосновения ласковых рук, а потом, получив заветный поцелуй, рваться прочь из груди, разгоняя кровь по венам?

Как-то, ещё в самом начале учебного года заболел математик, и, в целях сохранения школы от бесконтрольной радости десятого «А», к нам прислали школьного психолога Татьяну Петровну. Маленькая тётенька с седенькими кудряшками на, слишком круглой, голове дребезжащим от старости голосом поведала нам о субличностях. Мол, они, эти субличности живут в каждом из нас, со своими целями и желаниями. Они борются, спорят, кто-то побеждает, а кому – то приходится капитулировать. Почему-то, субличности представлялись мне виде забавных зверьков, расположившихся на солнечной полянке.

И сейчас, в моём личном зверинце, поднялся невообразимый гвалт. Ещё немного, и полетят клочья вырванной шерсти.

– Не смей! – шипела мудрая, осторожная змея. – Твой

отец не одобрит подобной выходки! Ты плохо знаешь этого парня, а вдруг он маньяк? А вдруг он сутенёр, заманивающий молоденьких девочек в свой бордель?

– А зачем об этом рассказывать отцу? – дьявольски хохотала хулиганистая мартышка. – Погуляю, искупаюсь в море и вернусь домой.

– Миша такой милый, такой нежный! Может быть это и есть любовь всей моей жизни, может это моя судьба?! – мурлыкала пушистая кошечка.

– А мне всё надоело, – флегматично, но твёрдо, произнесла черепаха. – Хочу поваляться на горячем песочке, побултыхаться в голубых волнах. Я так устала быть послушной, правильной, удобной дочерью для своих родителей. Разве я не заслужила немного отдыха?

– Да и не нужно Мише от меня ничего, в отличие от моих одноклассничков, которые меня ненавидят так же, как и в третьем классе, только теперь умело это скрывают, – гавкнула болонка.

Четыре голоса против одного! Решение принято!

– Да, – ответила я и, повернувшись к Мише лицом, уткнулась носом в его рубашку.

А потом было вино и фрукты, духи с нежным запахом арбуза и ягод в яркой подарочной коробочке, ну и, конечно, новогоднее поздравление по телевизору от Великого триумvirата.

Трое лысеющих мужчин, почти похожих меж собой, лишь у господина Синявского острее нос, а у господина Желтенко оттопырены уши, сидели бок о бок в красных креслах. Все трое в строгих костюмах, с цепкими, словно видящими самую суть, взглядами.

– Граждане Человеческого государства, – зычно начал Желтенко. – Вот и наступил новый 3124 год. Он ознаменовался новыми достижениями оборонной промышленности. Мы изобрели новое оружие против врага, против кровавого монстра.

– Очередной дряни предназначенной для убийства, – ехидно прокомментировал синеглазый хулиган, и я, как добропорядочная гражданка, шикнула на него, легонько толкнув в бок.

– Следующий год, будет сложным, дорогие сограждане, – принял эстафету Синявский. – Ведь мы, люди, обязаны бросить все свои силы на защиту своего дома, своей родины и не допустить проникновения кровавого врага. Повысятся налоги на жильё, на имущество, а так же «Гражданский» налог. Но всё это делается во имя нашей с вами жизни, свободы, безопасности.

– Усилится борьба с вольнодумцами и предателями Родины, – блеющий голос Зеленухина казался неубедительным. Ну с кем этот старец, едва передвигающий челюстями собрался бороться? **Разве** только с тараканами с помощью тапка.

Тьфу! Совсем, как Миша стала. Нельзя так думать, не в коем случаи нельзя. Что бы сказал мой отец, услышав мои мысли?

– А что значит «Гражданский налог»? – спросил Михаил, когда триумвират окончил свою речь.

– Ты не знаешь таких элементарных вещей?

Я невольно покрутила пальцем у виска.

– Не знаю, – признался Михаил. – Я не плачу налогов Человеческому государству. А вот сейчас услышал, и мне стало интересно.

– Ну «Гражданский налог»– это налог на то, что ты не военный, – начала объяснять я.

– Какой бред! – перебил синеглазый анархист. – Я могу быть врачом, учителем, дворником и приносить не меньшую пользу стране. Почему я должен платить за то, что не выбрал путь воина?

– Потому, что военные защищают наше государство. Кого ты будешь лечить, учить, за кем подметать, если нас захватят вампиры?

– Но стать воином, дано не всем, я правильно понимаю? – глаза смотрели пылливо, но слегка насмешливо, русая чёлка растрепалась, и от чего– то захотелось её пригладить.

Гладкие, словно шёлковые волосы мужчины блестели в свете электрической лампы.

– Правильно, – кивнула я. – Обучение в военном училище стоит очень дорого.

– Значит, стать воином может только сынок богатенького папочки, а чернь будет платить ему налоги. И ты считаешь это справедливым? И от кого, скажи мне пожалуйста, защищают ваши военные человечество? Вампиры были изгнаны сто с лишним лет назад, Эвилы на вас не нападают, живут себе тихонечко среди своих снегов. Чем занимаются военные, ты можешь мне сказать?

– У меня дядя военный, – проговорила я, понимая, что окончательно проиграла в этом споре.

– И чем же он занимается?

– Арестовывает вольнодумцев.

– Ну да, – Миша язвительно ухмыльнулся, отпил из своего бокала, потом лениво пододвинул к себе тарелку с ломтиками рыбы и принялся сосредоточенно жевать. – Тяжело ему, наверное, приходится, жизнью своей рискует, отлавливая стариков и алкоголиков, по неосторожности рассказавших похабный анекдот про СГБ и триумвират.

Я во все глаза смотрела на Мишу. Мир для меня сходил с ума. Никто из моих знакомых не говорил таких вещей о власти, никто не посмел усомниться в правильности её действий, тем более в моём присутствии. А может всё дело как раз в нём, в этом самом моём присутствии? Может люди уже давно тихо ненавидят правительство, ругают его за ежегодные повышения налогов, за страх быть арестованными, за несправедливость. Стоп! Так я тоже считаю политику триумвирата несправедливой? Но я не могу так считать, просто

не имею права, я же дочь третьего секретаря.

— Загрузил я твою милую головку всякими анти -режимными мыслями, да? — Миша встал, подошёл к креслу, в котором я сидела, опустился напротив меня на пол, провёл рукой по щеке. Глаза, сидящего напротив мужчины, странным образом начали менять свой цвет. Ярко— голубой постепенно превращался в тёмно— синий. И я тонула, увязала в этой синеве, манящей, чарующей, опасной, как вечернее предгрозовое небо.

— Не думай об этом, маленькая моя, — прошептал он. Его голос напомнил мне шелест листвы, трепещущей от дыхания ветра. — Скоро мы будем далеко, там, где много воздуха и света, где поёт волна, ударяясь о скалы, где благоухают магнолии.

Голова моя отяжелела, я с трудом соображала, где нахожусь, и кто сидит напротив меня. По всему телу разлилась слабость, но я продолжала цепляться за реальность, стараясь дать оценку своему состоянию, понять, что происходит. Мелкими, бледноватыми звёздочками пытались пробиться какие-то мысли, но клубящаяся синева гасила их пламя, поглощая, растворяя в себе. Странные звуки то ли песня, то ли шёпот лишали воли, предлагали погрузиться в клубящийся туман, отрешиться от всего, перестать сопротивляться. И больше не в силах оставаться на поверхности, я позволила себе опуститься на самое дно сумрачного омуты.

А там, в глубине бушевала весна. Таял снег, стыдливо

ёжась, под натиском солнца. Звуки, множество звуков пробуждения жизни, радости. Чириканье птах, журчание ручья, и если внимательно прислушаться, можно понять о чём так жарко спорит тёплый весенний ветер с каплейю.

– Ты отдаёшь себе отчёт в том, что натворил, кого приволок? Ты вообще осознаёшь, что тебе за это будет? – рассержено спрашивает капель. Я не понимаю, о чём она говорит, смысл фраз ускользает. Но это и не важно. Мне просто приятно слышать эти весёлые позывные весны. – Каждый источник регистрируется в министерстве поставок, а обладатель источника платит налоги в королевскую казну. А ты решил, минуя службу поставок, притащить человека, да ещё, как я понимаю, скрыть это ото всех. Знаешь, Харвальд, это Его величеству явно не понравится.

– И ты мне о налогах? – вздыхает ветер. – Вы, верно, сговорились. Не волнуйся, милая Асиль, за моё новое изобретение король мне половину страны отпишет, не то что позволит иметь источника, пусть даже контрабандного.

– Дурак! – капельки застучали ещё чаще, ещё звонче. – Это не просто девчонка из толпы людишек, она связана с СГБ. Ей под кожу плеча вживили чип, который указывает её местонахождение. Новое изобретение Человеческого государства. С помощью этой милой штучки СГБ может отдавать любые приказы, и носитель чипа выполнит их беспрекословно. В бой, так в бой, суицид – без проблем, убийство собственного брата – пожалуйста. Чипы вживляются не только

государственным служащим, но и членам их семей. Я тебе больше скажу, эта дрянь и провоцирует приступы.

— Для этого я и перетащил девочку через портал. Я увидел, что её аура истончена, посмотри, насколько она тусклая, и эти бурые вспышки... По моим подсчётам девчонке осталось от силу два года, а потом— смерть. Мне нужна твоя помощь, исцели её. И пусть она навсегда останется **здесь**, отрезанная от своей родины, друзей и родных, но живая.

— Ладно, но ты мне будешь должен. Постараюсь восстановить её ауру и извлечь высокотехнологичную пакость. Только с истериками этой малышки разбирайся сам. Ну вот, заболталась с тобой, девчонка начала просыпаться. Придётся вновь погружать её в сон.

Звон капли превратился в шум дождя, не промозглого осеннего, а тёплого, пробуждающего к жизни, успокаивающего, исцеляющего.

* * *

Проснулась я от ослепительно— яркого солнечного света бьющего в лицо. Открыла глаза, зажмурилась вновь, довольно потянулась. Всё моё существо наполняла какая— то энергия беспричинной радости. Так чудесно я себя не чувствовала уже давно, с раннего детства. И вот таких пробуждений, как это, от солнца, свежего ветерка, проникающего сквозь приоткрытое окно, у меня тоже давно не было, с тех самых пор, как умерла бабушка, и меня перестали возить в деревню. Лёгкая дымка сна развеивалась, истончалась под напо-

ром света и странных звуков, доносящихся с улицы. Звуки пробуждали в памяти что-то далёкое, давно позабытое, всё из тех же детских лет. Я распахнула глаза и поняла, что комната мне не знакома. Огромная кровать, занимающая почти половину помещения, небольшой стеклянный столик, шкаф и панорамное окно во всю стену, задёрнутое лёгкой белоснежной, с серебристым отливом, занавеской. Всё такое воздушное, струящееся, невесомое, словно сотканное из облаков.

Так, и где это я нахожусь? Комната не походила ни на мрачные тюремные застенки, ни на бандитский притон. Да и не так уж я много выпила вчера, чтобы, хорошенько похулиганив, оказаться в полиции или в гостях у преступных элементов. И что с моей рукой? Повязка довольно плотная, водонепроницаемая, из какого-то странного материала. Рана под ней не болит, лишь зудит немного. А как я эту рану получила? Порезалась? Ударилась? А может меня хотели убить? Нет. Глупости! Сейчас я такого себе напридумываю.

Хорошо, начнём с другой стороны. Вчера пришёл Миша, мы разговаривали, пили вино, а потом мне стало плохо. Наверное, накрыл очередной приступ. Я просыпаюсь в незнакомом месте... Больница, вот что это! Хорошая, комфортабельная больница для высокопоставленных граждан Человеческого государства и их семей.

Я подошла к окну и не смогла сдержать вздоха удивления. За окном раскинулся зелёный луг, усыпанный мелкими

бледноватыми цветами. Луговая трава пахлапряно и сочно. С лева и с права, окутанные голубоватой дымкой, высились горы, а впереди, дрожало, пенилось, блестело, в лучах полуденного солнца, море. И над этой бирюзовой гладью, что сливалась с линией горизонта. в пронзительно— синей небесной выси, парили чайки, крикливые, счастливые и свободные.

От насыщенного солёного морского запаха, от благоухания луга слегка закружилась голова.

Точно! Меня отправили в санаторий Синеморска, как тогда, в детстве. Когда у меня начались приступы эпилепсии, родители встревожились ни на шутку. Отец вытребовал путёвку у первого секретаря, который, если верить папе, берёт её для своей племянницы. И вот я опять на море. Но где же родители? Может беседуют с врачом?

Отойдя от окна, я направилась к незаметной двери, которая, скорее всего, вела в ванную.

Да уж, убираются здесь качественно. Белоснежная сантехника сияет чистотой, светло-голубой кафель натёрт до блеска.

На полочке навесного шкафчика я нашла запакованную зубную щётку, несколько баночек с гелем для душа и шампунь, на крючке голубое пушистое полотенце. Вот так сервис! Четырнадцать лет назад мы со своим приезжали. Мама тогда возмущалась и пилила отца за то, что он не предупредил, кто едет, и что теперь из за него приходится тащить чемоданы с постельным бельём, полотенцами и средствами

личной гигиены.

Приводя себя в порядок, я думала о том, в чём выйти из палаты. Моя ночная сорочка для прогулок по коридорам санатория, явно не подходила. Если меня привезли сюда в срочном порядке, то одежду наверняка взять не догадались, а если и прихватили что – нибудь, то не в вязаных свитерах же мне щеголять в такую жару.

Выйдя из ванной, я направилась к шкафу, в надежде отыскать хотя бы халат. Но халата я в шкафу не нашла, зато обнаружилось несколько платьев, лёгких, полупрозрачных, невестомых, четыре комплекта нижнего белья, несколько пар обуви, и всё моего размера. Когда родители успели купить эти вещи? А, может быть, я в коме пребывала, и сейчас не первое января, а, предположим, девятое марта? И вообще, что случилось с фантазией моей мамочки, вся одежда либо голубая, либо серая? Если мне не изменяет память, сейчас в моде розовое. Вот только я моде никогда не следовала, считая это ниже своего достоинства, одеваться так, как все.

Покрутившись возле зеркала в обновках, я отправилась на поиски родителей.

Небольшой, выдержанный в тех же серо– голубых тонах, как и всё здесь, коридор вывел меня к двери, за которой что-то аппетитно скворчало. Потянув ручку на себя, я почувствовала, как в нос мне ударил запах жареной рыбы, специй и овощей. Желудок тут же требовательно заурчал, напоминая своей хозяйке о том, что в санаториях пациентов обяза-

ны кормить.

Переступив порог и пройдя в глубь помещения, я увидела довольно странную картину. У плиты, в фартуке, с деревянной ложкой в руке стоял Миша.

Солнце, проникающее сквозь тонкие полоски жалюзи, расчерчивало его широкую спину и русые волосы, забранные в хвост, золотистыми линиями.

– Садись, – сказал Миша, указывая кивком на высокий стул возле небольшого столика. – Скоро будем завтракать.

Мне ничего другого не оставалось, как пройти, отодвинуть стул и **усесться**. Крики чаек, доносящиеся с улицы и шелест, растревоженной ветром листвы, сливались с шкварчанием сковородки.

– Что с моей рукой? – спросила я то, что показалось мне важнее всего. – Откуда эта повязка?

– Всё нормально, завтра уже можно будет снять. Тебе стало плохо в Эвильской гостинице, ты помнишь? Ты упала и порезалась о край стеклянного столика. Пришлось немного тебя подлечить.

Миша поднёс ложку ко рту, попробовал своё творение, за тем добавил немного каких –то травок и вновь принялся перемешивать.

– Ты готовишь? – мне не удалось сдержать удивления. – Вот никогда бы не подумала.

У нас дома готовила исключительно мама. Отец считал это чисто женским занятием и никогда не помогал матери

на кухне. Он даже горничную нанимать отказался, ведь жена беспрестанно должна доказывать, что не зря ест свой хлеб, который зарабатывается непосильным трудом мужа. Как— то мама поставила на стол пригоревшие оладьи. Отец не стал ругаться. Поднимать крик по бытовым вопросам он считал ниже своего достоинства. Просто, когда эти самые бытовые вопросы возникали, слова отца начинали ложиться тяжело, давя на плечи и голову, делая тебя маленьким и ничтожным. Отец велел маме съесть всё, что она приготовила, не запивая водой, а потом, не разговаривал с ней три дня. Мне тоже было запрещено говорить с мамой, хотя, если честно, ей было далеко не до разговоров. Все три дня её тошнило, и она пролежала в комнате, держась за больной живот.

— И что в этом удивительного?

Миша отключил плиту и водрузил на стол блюдо с ломтиками жаренной рыбы и кусочками каких-то красных овощей.

— Ну, это женское дело, — пробубнила я с набитым ртом, едва ни жмурясь от удовольствия.

— А ещё какие дела ты считаешь женскими?

— Уборку, стирку, походы в магазин,— начала перечислять я, пока не поняла, что голубоглазый демон просто насмехается, кивая в такт моим словам с самым серьёзным видом.

Я резко замолчала и строго взглянула ему в лицо. Мишка же, улыбнулся солнечно, по-мальчишески. И от этой улыбки сладко заныло в груди, захотелось провести кончиком пальцев по контуру его губ, дотронуться до милых ямочек на ще-

ках. Но вместо этого пришлось сжать в руке край салфетки.

— Значит, все эти обязанности теперь ложатся на твои плечи, — проговорил он.

— Нет, нет, нет! — вскричала я, для пущей убедительности мотая головой.— Это обязанности жён, а я просто гостья. Да и вообще, как мы оказались в Синеморске?

Мне на мгновение показалось, что я уловила тень облегчения на лице Мише, будто бы он готовился к тяжёлому разговору, но он, этот разговор, по каким— то причинам, откладывается.

— Здесь мой дом, а ты у меня в гостях, — сказал Михаил.

Офигеть! Мы с Мишей здесь одни, и никаких родителей, медицинского персонала и в помине нет. Так, что же это получается, меня Миша переодевал? Блин! И как, в таком случае, себя вести?

— А никак, — тут же ответил внутренний голос. — Делай вид, что всё нормально. Тебя изнасиловали? Нет! Сфотографировали для порнографического журнала? Вряд ли! Ну, не такое у тебя тело, Краёвская, чтобы желание у мужиков вызывать. Сушёная рыба сексуальнее выглядит. Так, что успокойся и улыбнись.

— Круто! — искренно восхитилась я.— Так ты у нас богач, завидный жених! И как долго можно пользоваться твоим гостеприимством?

Миша протянул руку, переплёл свои пальцы с моими. И меня накрыло лавиной нежности, абсолютного доверия и

неудержимой радости. Брызги солнца в его волосах, чарующая синева глаз, полосы света на полу, стенах и столе. Какое же это счастье просто быть рядом, просто держаться за руки, просто чувствовать, как его кожа касается твоей. Восхитительно, чудесно, но, одновременно мало. И замирает сердце, и мутиться рассудок, и звенит от непонятного желания тело.

– Я очень надеюсь, – голос Миши завораживал, проникал в сознание, почти усыплял. – Что ты захочешь остаться здесь на правах хозяйки, Вера.

– Не знаю, – пробормотала я непослушными губами. – Я как-то не готова, мне нужно подумать.

– А я тебя и не тороплю, – с этими словами Миша отпустил мою руку.

Сладкий дурман развеялся. Михаил, как ни в чём не бывало вернулся к еде, я же погрузилась в размышления.

Да, провести на берегу моря несколько дней с Мишей – круто! И пусть за мою выходку последует суровое наказание от папочки, но мне будет, что вспомнить, что рассказать той же Аришке, когда мы помиримся. И никто больше не посмеет, называть меня синим чулком. А вот выйти замуж? Миша классный, с ним весело, но в то же время надёжно. Он хорошо готовит и держит дом в чистоте, значит превращать меня в рабыню у плиты и унитаза не станет. И, кажется, я его люблю. Но как же учёба? Как же карьера? Как же власть? Смогу ли я отказаться от своей мечты? Смогу! Ради того, чтобы остаться с Мишей, смогу! А карьера и власть – не мои мечты.

Их мне навязали родители, которые хотели мной гордиться и общество, которое, с начало отвергало меня, а потом, приняло, испугавшись моего статуса.

– Чего задумалась? – Миша взъерошил мои волосы.

Действительно, довольно странное зрелище. Сидит девушка за столом, смотрит в пустую тарелку, трясёт нервно ступнёй.

– Идём к морю.

Мишка потянул меня за руку.

–И что за он человек такой? –ворчала я про себя. – Вот не сидится ему на месте, вечно куда-то спешит. В Эвилии на лыжах да на ледодисках кататься, здесь к морю торопится.

Но ворчала я по– привычке, лишь для того, чтобы успокоить взбудораженные мысли. На самом же деле, мне самой хотелось попрыгать в тёплых блестящих волнах.

– А у меня купальника нет, – пожаловалась я.

- Не выдумывай, – отрезал парень, выталкивая меня из кухни. – Всё у тебя есть, и купальник, и шляпка и всякие там женские штуки, в которых я ничего не смыслю. Моя подруга Аська всё купила к нашему приезду.

Меня кольнули слова о подруге. Ещё любовного треугольника мне тут не хватало.

– Просто подруга? – поинтересовалась я, стараясь смотреть прямо в синие очи.

– А ты ревнуешь? Мне приятно, Верка, – Миша поцеловал меня в нос. – Расслабься, это просто девушка, живущая со

мною по соседству. Кстати, она тебе очень помогла, зашила твою рану и предотвратила кому. Так что не забудь поблагодарить её при встрече.

Что может быть удивительнее моря? Только море в штиль. Волны облизывают прибрежные камни, делая гладкими и блестящими, оставляя на них, белые барашки пены. Солнечный свет дробится в дрожащей, колышущейся бирюзе воды. Морская песня тихая и нежная, а объятия ласковые и мягкие. И ты, забыв обо всём, плывёшь, наслаждаясь каждым мгновением, вдыхая неповторимый запах моря, чувствуя, как легко и нежно покачивают тебя волны.

Чайки разрезают воздух резкими криками, ветер тёплый, озорной треплет волосы.

Я смотрю, как капли воды сбегают по рельефному телу Миши, как он плывёт, рассекая морскую гладь уверенными широкими гребками.

Наконец, поймав мой взгляд, он стремительно подплывает, хватая за талию и каким-то непостижимым образом закидывает себе на спину. Теперь я плыву на его спине, словно верхом на гигантской рыбине и смеюсь, смеюсь...

Ноздреватая, жёлто-рыжая, словно поджаристый блин, луна висит в ночном небе, щедро поливая спутанные космы луговой травы расплавленной бронзой. Почти безветренно, и от того явственнее слышен шелест моря по гальке, стрёкот цикад и далёкий вой горного шакала.

Мы лежим в темноте, на слегка колючем покрывале луга,

глядя в бархат южных ночных небес, усыпанных мелкими светящимися крупинками звёзд.

Его ладонь сжимает мои пальцы, и всё тело завидует им. Ведь они, нахальные, сейчас получают тепло, лежащего рядом человека, пьют эту удивительную, вызывающую **беготню** мурашек, заставляющую кровь с бешеной скоростью нестись по венам силу.

– Это не Синеморск? – лениво спросила я.

Ладонь напряглась, сжала мою руку уже не ласково, а больно. Я инстинктивно отодвинулась.

– А где мы, по твоему? На другой планете? – голос Миши звучал ровно, наигранно весело.

Но слова, произносимые человеком, могут врать, а вот тело, даже того, кто привык лгать и держать себя под контролем, всегда выдаст и обман, и страх, и тревогу. Отец часто говорил об этом и мне, и матери, и, скорее всего, пользовался своей аксиомой на работе. Ведь не даром ему удалось дослужиться до третьего секретаря, а столичное начальство сулит скорое повышение.

– Какая –то пригородная деревушка. В городах шакалы не воют, да и живёшь ты слишком уединённо, – произнесла я и ощутила, как рука Миши вновь расслабилась и стала ласковой.

– Не люблю шумные города, – признался Михаил. – Суета мешает сосредоточиться, отвлекает от работы.

– А твои родители не будут против нашей свадьбы? –

спросила и осеклась. Это что получается, я уже согласилась незаметно для самой себя? А с другой стороны— почему бы и нет? Кто может быть лучше Миши? Да это же самый настоящий принц из сказки, добрый, заботливый, живущий у самого моря!

— У меня нет родителей. Они погибли. С начала умер отец, а следом за ним ушла и мама, не выдержав боли.

— Прости, я напомнила тебе о грустном.

Сразу стало неловко. Да и пауза неприятная повисла. Вот не умею я говорить нужных слов в таких случаях.

— Это произошло очень давно, и я успел свыкнуться с тем, что их больше нет.

Миша приподнялся на локтях, взглянул на меня, блеснув голубыми осколками неба, осторожно провёл ладонью по щеке, потом спустился к шее. Нащупав на ней пульсирующую жилку, погладил большим пальцем, а потом припал в жадном поцелуе.

— Так ты согласна?— спросил он, с трудом ворочая языком.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как разум покидает меня, как реальность расплывается в бронзовом свете лунного диска, теряет очертания.

— Меня сводит с ума твой запах, — шептал Миша, а я едва понимала, **что** он говорит. — Я хочу тебя всю, без остатка, но пока мне доступно лишь твоё тело, если ты позволишь. Я буду осторожен, девочка моя. Я никогда тебя не обижу, не причиню боли.

Поцелуи такие нежные, почти невесомые постепенно становятся жадными, обжигающими. Моё тело вспыхивает от каждого касания его губ. Кожа звенит, плавится, требуя большего. Я неумело, почти робко целую в ответ, подаюсь навстречу желая полного слияния с тем, кого люблю. Я дрожу, глаза заволакивает пеленой слёз. Лицо Миши расплывается. Пульсирует над нашими головами чёрный купол неба и пляшет свой демонический танец луна. Тая в жаре бережных, но таких крепких и надёжных рук, принимая власть этого мужчины над собой, впитывая каждой клеточкой своего тела эту странную, неведомую мне ранее, энергию страсти, я с удивлением начинаю понимать, что нас по-отдельности больше нет. Его плоть наполняет меня, но я не чувствую боли, наоборот, всё происходящее кажется правильным. Мы дышим, мы двигаемся в одном ритме. Наши сердца бьются в унисон. Меня подхватывает ветром и я несусь в пронзительной голубизне неба, то резко опускаясь вниз, то взлетая вверх. Полёт прекрасен, удивителен, но впереди расцветает радуга. Она манит, мерцает волшебным светом. И вдруг... Взрывается яркой вспышкой, разлетаясь на множество разноцветных огоньков. Я кричу от дикого восторга и ощущаю на своих губах долгий поцелуй. Провожу ладонями по рельефу мышц, зарываюсь пальцами в шёлк волос цвета маренного дуба, вдыхаю всей грудью его пряный запах.

– Как странно, – вяло шепчу ему на ухо. – А девчонки говорили что это больно. Вот дуры!

Миша смеётся, слегка прикусывает кончик моего носа, проводит языком над ключицей, от чего по телу пробегает дрожь.

Его руки подхватывают меня и несут в дом. Мы засыпаем прижавшись друг к другу. Сквозь сон я чувствую, как меня гладят по волосам, стирают пальцами слезинки, бегущие по щекам и всем своим существом понимаю, насколько счастлива.

Глава 8

Мокрая и довольная, я лежала на, нагретой солнцем и отшлифованной морем, гальке. Прибой вкрадчиво подбирался к берегу и так же тихо отползал.

Миша заперся в своей лаборатории, сказав, что ему нужно немного поработать, впрочем, как всегда. И я отправилась к морю в гордом одиночестве. Хорошо, что дом моего жениха находится так близко от моря, не надо никуда ехать, искать место на берегу среди лежащих, как сосиски, загорающих женских и мужских тел. Достаточно лишь спуститься с горы, на которой стоит наш дом, и купайся, жарься на солнышке сколько душе угодно.

Пять дней, наполненных счастьем, любовью, синевой неба, солёными брызгами моря и светом солнца. Пять дней безопасности и безделья. Порой мне казалось, что я сплю, и мне снится длинный сон. Ведь не бывает всё так безоблачно, так красиво. Где же он, господин Подвох в окружении верных слуг крупных и мелких неприятностей? Но я старалась

гнать от себя дурные мысли, да и, несмотря на то, что единственной моей обязанностью было качественно, со знанием дела валять дурака, времени на тягостные размышления почти не оставалось. Ведь нужно столько всего успеть: выспаться до полудня, искупаться в море и поваляться на солнышке, пока Миша работает в своей лаборатории, приготовить обед и съесть его, погулять с Мишей по окрестностям, периодически занимаясь любовью на лоне природы, искупаться в море на закате, поужинать и посидеть на веранде , играя в карты.

Так, пузо поджарили, нужно подставить солнышку спину. Я уткнулась носом в мягкий ворс голубого полотенца, как вдруг услышала женский голос, который показался мне смутно знакомым.

– Я смотрю, рана уже зажила, – застучали весёлые капельки воды.

Подняв голову, я натолкнулась на внимательный взгляд ярко-зелёных глаз. Девушка была красива. Но нет, в ней не кричала та агрессивная вычурная красота, к которой стремятся многие женщины. Зеленоглазка гармонировала с красотой этих мест, словно была их частью. Одной из многочисленных капель огромного моря, одной из росинок на лепестках горного василька. Именно это и натолкнуло меня на мысль о схожести этой девчонки и Михаила.

– Ты Ася? – задала я вопрос. – Михаил сказал, что ты оказала мне медицинскую помощь. Спасибо тебе.

Ну всё, с благодарностью покончено. А вот теперь нужно выяснить, кто она на самом деле Мише. Да и слишком молодая девушка для сложившегося специалиста. Больше похожа на студентку или ученицу старшей школы. Хотя и Михаил не выглядит на свои годы.

– Миша, – прозвенела девушка, словно пробуя это имя на вкус. – Он всегда отличался бурной фантазией. Но, если тебе так удобно, можешь называть меня Асей, а Мишу Мишей. Людям трудно привыкать к чему-то новому, так почему бы не взять небольшой кусочек из старой жизни?

– Ты о чём?

Валяться резко расхотелось. Я села напротив девчонки. С детства ненавижу загадки и недомолвки, от них одни неприятности.

– Так он тебе ничего не рассказал? – брови Зеленоглазки взметнулись вверх, капельки апрельской капли постепенно превращались в колючие льдинки. – Вот болван!

– О чём не рассказал? – почти выкрикнула я. Мало того, она выбешивает меня своей красотой, явилась вся такая изящная, беловолосая, благоухающая свежестью, гибкая и стройная в светло– зелёном платье, под цвет глаз выбирала, не иначе, а ещё и с намёками идиотскими лезет. – У него жена и трое детей?

– Трое детей! Ну ты и выдумщица!– девица расхохоталась, словно я и впрямь сказала что-то смешное.– Да успокойся ты, всё узнаешь, днём раньше, днём позже– ничего

страшного. Он тебе предложил пройти обряд?

И улыбка у этой девахи белозубая, видать не боится стоматологов, А вот меня к ним и калачом не заманишь.

Я рассеяно кивнула, догадавшись, что Аська говорит о свадьбе. Не время ругаться и ревновать, информация важнее.

– Ну вот, – удовлетворённо улыбнулась девчонка. – Значит у вас будет много времени, чтобы выяснить отношения, почти вечность.

С этими словами она вытянула руки, что-то промурлыкала себе под нос, и приманила к себе морскую волну. Я открыв рот, наблюдала как вода скручивается в тонких руках девчонки в блестящий шарик, как он переливается на солнце, а Зеленоглазка любовно поглаживает его бока пальчиками. Наконец, девица кричит:

– Лови!

Шар летит мне в лицо и обдаёт потоком солёной воды. Пока я отплёвываюсь, тру глаза и пытаюсь сообразить, что же всё таки произошло, загадочная девчонка бесследно исчезает.

Потом накатывает сонливость, и я погружаюсь в сон. И в этом сне то же море и то же солнце. Мы с Мишей стоим на берегу и наблюдаем за тем, как странная девушка Ася танцует босяком на морских волнах.

Юбка надувается от ветра, приоткрывая стройные ножки, что невероятно злит девчонку.

– Прекрати! – зачем– то вопит она Мише, стараясь перекричать рокот волн.– Ты мне мешаешь. И успокой этот дурацкий ветер, он же волны поднимает!

Миша начинает что– то напевать, и море успокаивается, подползает к моим ногам, верным псом облизывает голые ступни.

Волны шепчут, но я никак не могу разобрать слов. Наконец слышу: « Не бойся! Прими всё, как есть! »

Страх первобытный, древний подползает вкрадчиво, исподволь. И вот уже он неприятным узлом скручивается в животе, бежит противными мурашками по коже.

– Это сон, – твержу я себе, но никак не могу выбрать– ся, вынырнуть на поверхность. А волны не прекращают свою жуткую песню:

« Тебе не уйти! Оставайся, прими нас! »

– Просыпайся! – Миша тряс меня за плечо. Лицо его было встревоженным, я бы даже сказала, напуганным.

Я поднялась с полотенца, бестолково хлопая ресницами и **мотая головой**, стараясь прогнать липкие остатки сна.

– Здесь была Ася, – пробормотала я.

– Какая ещё Ася? – проворчал Михаил, помогая мне подняться. – Меньше на солнце валяться надо.

Глава 9

Ничего не предвещало беды. Просто, приводя себя в порядок в благоухающей чистотой и свежестью, ванной, я увидела, что ромашкового отвара, приготовленного мною два

дня назад, осталось совсем немного. На один раз использования, его как раз хватит, а вот на последующие дни, необходимо приготовить новый.

Неподалёку от Мишкиного пряничного домика, белоснежного с красной крышей, возвышались горы. Их вершины всегда были окутаны лёгкой дымкой. Которая, в зависимости от времени суток, меняла свой цвет. Ранним утром и на закате, она становилась бледно-розовой, в полдень – голубой, ну а ночью – отливала лунным золотом. А у подножья этих гор, раскинулся луг – белый от множества ромашек. Над ними кружили пёстрые бабочки и пчёлы, а они, эти скромные, но такие милые в своей простоте, цветы шевелили длинными лепестками, тянулись насыщенно – жёлтыми серединками к солнцу, впитывая его лучи. Я взяла за обыкновение приходить на этот луг, чтобы полежать в ромашках, полюбоваться на горы и набрать цветов для отвара, придающего волосам золотистый оттенок. И если раньше, я всерьёз считала, что украшать себя для мужчины – глупое, унижающее достоинство женщины занятие, то сейчас мне хотелось быть красивой для Миши. Хотелось, чтобы он восхищённо смотрел на меня, перебирал волосы, вдыхал запах моей кожи и нежно целовал в шею. И чем ему приглянулась моя шея? Другие парни, как – то больше на грудь и на попу внимание обращают, а он... Ну да ладно, мне ведь это тоже удовольствие доставляет.

Прежде чем взяться за работу, я улеглась на ромашковую

перину, блаженно зажмурила глаза и прислушалась к окружающим звукам и запахам. Мы с Мишей довольно часто играли в такую игру. Гуляли по окрестностям, потом усаживались на землю и закрыв глаза перечисляли всё, что удалось услышать или унюхать. Михаил, конечно же выигрывал, так как чертовски различал запахи и улавливал звуки.

– Так не честно! – вопила я после очередной его победы. – Запахи– твоя профессия, ты парфюмер в **конце** концов, кому как не тебе разбираться во всяких пахучих травках и цветочках. Мне никогда тебя не победить!

– А ты тренируйся!– назидательно отвечал голубоглазый хулиган. – Тяжело учуять запах– ориентируйся на звук, делай привязку.

Вот я и тренировалась, к тому же, тренировки были довольно приятными.

Голоса и запахи природы открывали передо мной удивительный мир. Вот там, вдали слышен шум прибоя и шорох, уносимой волной, гальки, и тонкая ниточка морского запаха дотягивается сплетаясь с терпким духом ромашек и сочным благоуханием, примятой мною травы. Гудение пчёл слышится откуда– то справа, и от туда же слабо, едва веет мёдом. Вот потянуло сыростью, мокрым камнем, ведь там, между громадами гор, протекает небольшая, узкая, словно начерченная ребёнком, блестящая линия горной реки. Тёплый, как это всегда бывает здесь, порыв ветра принёс смрад испражнений и крови, раздаётся чей– то протяжный, болезненный

стон... Что? Этого здесь не должно быть? Откуда!

Сердце, предчувствуя приближение беды, забилося быстрее, скользкие холодные клешни страха начали сжимать горло. И ромашки, и горы, и висящее в ясной безоблачной синеве, солнце показались зловещими. Стон повторился. Вновь порыв ветра и тоненькая ниточка смрада стала отчётливее. Она пульсировала, натягиваясь, зовя за собой. Потом, много позже, я буду часто возвращаться к этому страшному дню своей жизни и размышлять над тем, что случилось, если бы я не потащилась за этой вонючей ниткой? Если бы просто убежала, рассказала всё Мише? Но, вместо того, чтобы покинуть это место, я, как полная дура, попёрлась к горам. И с каждым моим шагом звуки становились громче, а запах резче.

Идти пришлось недолго, струйка вонившая привела меня к незаметной, опутанной лозами дикого винограда дверце, закрывающей вход в пещеру. Раздвинув лозы, я потянула за ручку, понимая, что дверь может не открыться. Плакал не ребёнок и не женщина, а мужчина, и от осознания этого стало ещё страшнее. К моему удивлению, массивная дверь подалась и я, толкнув её, оказалась на пороге кошмара.

Помещение было залито кроваво— красным светом, люющим с потолка, а в ванной, наполненной какой-то густой, тяжёлой и маслянистой на вид, жижей, лежал человек. Мужчина обросший, с многодневной чёрной щетиной на бледном лице тарасил бессмысленные, воспалённые глаза в потолок

и ревел. Крупные слёзы, в омерзительном свете лампы, похожие на кровь, катились по щекам, застревали в густой пороше.

— Кто вы? — спросила я мужика, первое, что пришло в голову.

Сердце сжалось от сострадания к нему и страха за себя.

Человек, увидев меня, заорал и задёргался, в тщетной попытке выбраться из жижи. Голова беспомощно моталась из стороны в сторону, гнилозубый рот разевался всё шире и шире.

Я ринулась к двери, ожидая, что та захлопнулась, отрезав меня от выхода, оставив здесь, в кошмарном сне любого гражданина Человеческого государства.

Улица встретила всё тем же тёплым воздухом, гудением пчёл и запахом луговых трав, а меня колотило, словно в лихорадке. Разрозненные детали пазла встали на свои места. Я в Далере— вражеском государстве, а Миша— вампир. Он украл мой жучок безопасности, задурманил моё сознание и притащил сюда через портал. А его, так называемые, коллеги— поставщики древесины из Эвили. Игорь и Анна? Как же! У этой парочки иные, зубодробительные, вампирские имена Ингвор и Ханна, скорее всего. Да плевать мне, по большому счёту, как их зовут! Я здесь, в плену у **вампира**,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.